

DK26 2
.R9
Rae W. 1000

Разворотъ

Ежедѣльный Художественный Политико-Сатирический Журналъ.

№ 1.

1906 г.

Цѣна 10 к., съ
пересылкой
15 к.

Растолкуйте мнѣ.

(Пародія).

Растолкуйте мнѣ люди крещенные,
Не пойму я никакъ, хоть убей,
Тѣ свободы глубоко-мудренныя,
Что сложились въ отчизнѣ моей.
Растолкуйте же, что называется
Мнѣ свободой печати. Ей-ей
Не пойму, чѣмъ она отличается:
Беззаконьемъ или правдой своей.
Какъ понять, что печатной цензурою
Недозволены девять газетъ,
Только „Время Суворина“ хмурое,
Только „Слово“ свободны и „Свѣтъ“.

* *

Хорошо! Ну, а что жъ, мои милые,
Совѣсть также свободна у насъ?
Почему же попы всѣ постылые
Проклинають евреевъ подчасъ?
Почему латыши всѣ въ мгновенье
Поднялись такъ дружно горой?
Не пойму. Неужель, что въ крещенье
Ихъ попы совращали порой?
Почему инородецъ съ утайкою

Исповѣдуетъ вѣру, боясь,
А монахъ, губернаторъ съ нагайкою
Своей вѣрой кичатся, гордясь?

* *

А еще растолкуйте мнѣ темному,
Личность также священна у насъ?
Почему жъ мужику то бездомному
Достается отъ розокъ сейчасъ?
Почему же, какъ тать, забирается
Въ мою комнату свора стражей
И такъ грубо надъ мной издѣвается,
Перерывъ все въ квартирѣ моей?
А сказали мнѣ люди мудренныя,
Что священна особа моя...
Кто свободенъ, скажите крещенные,
Грубый приставъ и дворникъ или я?

* *

А свобода союзовъ, родимые?
Не пойму я ее вѣдь никакъ...
Почему всѣ шпионы, любимые,
Собираются воръ да босякъ?
Почему же, кто правду великую
Передъ вами желаетъ сказать,—
Глядь казаковъ орда полудикая
Станетъ плетью тотчасъ разгонять,
Или пулей шальною и пушкою
Все собранье разгонять заразъ?
Видно, братцы, насмѣшкою, шуткою
Одурачилъ Сереженька васъ!..

* *

Говорятъ, будто всѣмъ, горемычные,
Вамъ амнистію также дали...
Почему же теперь всѣ наличныя
Тюрьмы стали, какъ будто, малы?
Почему, что ни день, то унылые
Кандалы все сильнѣе звенять,
А убійцы и воры постылые
На свободѣ гуляютъ опять?
Растолкуйте-жъ мнѣ люди крещенные,
Не пойму я никакъ, хоть убей,
Тѣ свободы глубоко-мудренныя,
Что сложились въ отчизнѣ моей.

Павель Градскій.

На мотивъ „Камаринскаго“.

Шелъ я улицей Варваркою
Со знакомою кухаркою.

По лѣсочку, по Булонскому
Баллета шла къ князю О....нскому,
Повстрѣчала Алексѣева,
Адмирала Лиходѣва

* *

И для ради воскресенія
Завернули въ заведеніе,
Не простое, а питейное,
Въ кабинеты то семейные.

* *

И для пущаго веселія,
Графа Виттова издѣлія,
Приказали дать бутылочки,
По единой то на рыльцо.

* *

А напимшись горькой водочки,
Вспоминали про тѣ лодочки,
Что съ японцами сражались,
Непріятелю достались.

* *

Вспоминали дни бывалые,
И доходушки не малые,
И наградушки праздничныя
Да прибавочки различныя;

* *

Да театры, развлеченія,
Гдѣ безъ всякаго стѣсненія
Адмиралы наслаждались
И игрою любовались.

* *

Исполненіе удачное!
Платье нѣжное, прозрачное
Наградило, по достоинству,
Адмиральское то воинство:

* *

Все цвѣтами да букетами,
Ожерельями, браслетами,
Да алмазами блестящими,
Да сережками висящими.

* *

Какъ теперь все измѣнилось:
Горе съ ними приключилось,
Какъ за штатомъ очутились—
У французовъ пріютились.

* *

И отъ горя въ утѣшеніе,
Для скорѣйшаго забвенія,
Приказали подать водочки,—
Два мерзавчика, двѣ соточки.

Рабочій Иванъ К.....ъ.

У с м и р и л и .

Бой при Технологическомъ институтѣ.

Скажи-ка, дядя, вѣдь, недаромъ
Войска, охваченныя жаромъ,
Вели съ народомъ бой?
Вѣдь, надо вѣрно быть причинѣ
Такой невиданной картинѣ;
Недаромъ вспомнить всѣ отнынѣ
Про день тотъ роковой.
Да! Есть же люди въ наше время.
Совсѣмъ безжалостное племя—
Изъ гвардіи полковъ;
Ихъ на войну не посылаютъ,
Они здѣсь въ Питерѣ гуляютъ
И лишь столицу защищаютъ
Отъ внутреннихъ враговъ.
Студенты въ институтъ собрались
И тамъ усердно занимались
Съ директоромъ своимъ.
А власти всѣ ужъ всполошились,—
Гвардейцевъ звать скорѣй рѣшились,
И въ мигъ Семеновцы явились
Съ полковникомъ лихимъ.
Онъ въ жизни былъ великимъ хватомъ
И закричалъ тотчасъ солдатамъ:
„Ребята, стройся въ бой!
Мы на крамольниковъ ударимъ,
Студентовъ всѣхъ живьемъ зажаримъ,
Въ кровавой банѣ ихъ попаримъ.
Скорѣе всѣ за мной!“
Ну-жъ былъ денекъ! Толпой могучей
Гвардейцы двинулись, какъ тучи,
На мирный институтъ.
Къ нимъ конный полкъ еще въ подмогу
Примчался шумно на тревогу.
Межъ тѣмъ толпа ужъ понемногу
Сбираться стала тутъ.
Въ своихъ рукахъ зудъ небывалый
Корнетъ одинъ почуялъ шалый,
Фамиліей Фроловъ.
И на толпу пошелъ въ атаку—
Сейчасъ, вѣдь, видно забіяку,
Что съ безоружнымъ даже въ драку
Полѣзть всегда готовъ.
Случилось страшное тутъ дѣло:
Онъ былъ хоть юнъ, но ужъ умѣло
Своимъ мечемъ рубилъ.
За нимъ другіе въ бой вмѣшались..
И старцы, дѣти избивались,
И громко стоны раздавались
Тѣхъ, кто замученъ былъ!
Да! Есть же люди въ наше время
Совсѣмъ безжалостное племя—
изъ гвардіи полковъ;
Ихъ на войну не посылаютъ,
Они здѣсь въ Питерѣ гуляютъ
И лишь отчизну защищаютъ
Отъ внутреннихъ враговъ!

Демократка.

о Чортѣ.

Часы ударили полночь. Звуки замирающей жизни едва доносились до меня. Я задумался. Невеселыя мысли лѣзли въ голову. Предо мной во всей своей наготѣ предстала картина больной русской дѣйствительности.

„Чортъ знаетъ, что это со мной дѣлается“, надорваннымъ голосомъ воскликнулъ я, „люди веселятся, а мнѣ больно до слезъ“.

Чу... Шорохъ... Я оглянулся, и предо мной предсталъ Чортъ, настоящій Чортъ, незамаскированный ни министромъ—ни какимъ-либо другимъ „умнымъ администраторомъ“, безъ портфеля, безъ вицъ-мундира съ звѣздою, а самый настоящій Чортъ съ рогами и хвостикомъ. Я долго всматривался въ его лицо: я видѣлъ Плеве, я видѣлъ Трепова, Витте, Дубасова, я видѣлъ, наконецъ, овсеторговца Дурново, но я никогда не видѣлъ настоящаго Чорта. Я, признаюсь, хотя и не принадлежу къ извѣстной части русскаго офицерства, все-таки порядочно струсилъ. „Поймите, видѣть передъ собой Чорта, его ехидную улыбку, горячіе глаза, рожки, хвос-

тикъ и прочіе принадлежности—картина одна изъ страшныхъ“.

— „Не бойтесь меня“ тихо заговорилъ Чортъ, и вамъ зла не сдѣлаю: „хотя я и Чортъ, но я все таки жалѣю патроны“.

Меня это вполне успокоило.

„А, знаете“, продолжалъ онъ, „я къ вамъ по дѣлу“.

Меня удивило: какое дѣло у меня, студента, можетъ быть съ Чортомъ. Я не такъ бы удивился, если бъ мнѣ сказали, что завтра вступить въ свои права социализмъ, что министры и прочіе, извините за выраженіе, генералы-управители сдѣлались социалистами—революционерами. Я не такъ бы удивился,

еслибъ при посѣщеніи тюремъ, я увидѣлъ, вмѣсто товарищей, генералъ-губернаторовъ и просто губернаторовъ, я даже не удивился бы, если бъ „русскія галоши“ одержали побѣду надъ японскимъ флотомъ, и долготерпѣливый Куропаткинъ „закинулъ фуражками“ маленькихъ неприятелей.

„Да, я къ вамъ по дѣлу“, повторилъ Чортъ, „и по очень важному, не требуя никакого вознагражденія и, тѣмъ болѣе, вашей души, какъ это, обыкновенно, полагается, я предлагаю вамъ свои услуги: вамъ, какъ сотруднику сатирическихъ журналовъ, я буду очень полезенъ.“

„Можетъ быть, вы желаете мнѣ сообщить средство, какъ спасти Россію“?

Чортъ обидѣлся. „За кого вы меня принимаете, я вѣдь не Витте“. Чортъ мнѣ очень понравился. Поймите, такое безкорыстіе, такая утонченная вѣжливость, дай Богъ всякому, если ужъ не премьеръ-министру, то, по крайней мѣрѣ, обыкновенному министру.

— „Идемте со мной. Совершимъ маленькую экскурсію по Питеру, для васъ найдется очень много интереснаго матеріала, особенно,

если вашимъ спутникомъ являюсь я, Чортъ“.

Я подумалъ, что мнѣ неудобно итти съ Чортомъ и хотѣлъ было уже отказаться, какъ Чортъ въ одно мгновеніе превратился въ околочнаго надзирателя и ехидно промолвилъ: „Понимаете, неприкосновенность личности“!

Мы отправились. Передъ нами Невскій проспектъ, столь неудобный, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для баррикады.

Намъ часто попадались навстрѣчу женщины. На одну изъ нихъ, болѣе граціозную, Чортъ обратилъ особенное вниманіе и, залившись мефистофельскимъ смѣхомъ, воскликнулъ:

„Чѣмъ не Балласта? Клянусь, еслибъ я не былъ Чортомъ, то я непременно былъ-бы адмираломъ, или вѣрнѣе, конногвардейцемъ, а я имѣю всѣ данныя быть имъ (хотя для этого необходимо только одно данное).“

Мы приближались къ дому Побѣдоносцева.

„Въ этомъ домѣ проживаетъ тотъ, кто далеко перешеголялъ насъ чертей, всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ. По поводу его у насъ было „особенное совѣщаніе“ и рѣшено не принимать его даже въ адъ, хотя бы вмѣстѣ съ нимъ явился Кронштадтскій и сотворилъ „сто чудесъ“, хотя бы за него хлопотала божественная Порфирія или, какъ тамъ ее, Пульхерія, однимъ словомъ та толстая баба, которая такъ часто вдохновляла святого старца и заставляла его проливать „слезы умиленія“.

Скажу вамъ по секрету, черезъ нѣкоторое время ожидается здѣсь 2-ой „Кошачій концертъ“ и общается быть очень интереснымъ, такъ какъ устройствомъ его усиленно занимаются всѣ революціонныя партіи. Зайдемте въ квартиру...

Я опѣшилъ... Какъ я могу зайти, когда днемъ и ночью торчитъ передъ нимъ Держиморда, готовый ежеминутно крикнуть. „Осади назадъ!“ Впрочемъ я забылъ, что моимъ спутникомъ былъ самъ Чортъ. Мы зашли. Великій мужъ думалъ объ ищѣленіи Россіи; о хорошо оплачиваемомъ мѣстечкѣ съ наградными, прибавочными, переѣздными, ком-

мандировочными, обыкновенными, чрезвычайными, квартирными, обстановочными, верхне-одежными, нижне-одежными, кормовыми и обжорными Онъ писалъ о пользѣ церковно-приходскихъ школъ, мракобѣсія и народной нещеты. Въ одинъ изъ этихъ докладовъ—доносовъ я заглянулъ. Читаю: „Крамola на Руси началась уже давно, наблюдалась въ царствованіе царя Грознаго и вывести ее можно только розгой, проповѣдью поповской и школой синодской. А для сего нуженъ чловѣкъ умный, крѣпкій, съ желѣзной волей и безъ барабанныхъ перепонокъ, чтобы до его уха не донесся ни одинъ звукъ кошачьяго и, оному подобнаго, концерта.“

Мы ушли... Спустя немного времени мы очутились въ одномъ благотворительномъ учрежденіи, управляемомъ одной изъ благотворительныхъ особъ изъ среды благотворительнаго семейства одного изъ благотворительныхъ генераловъ.

„Дѣло въ томъ, что сія благотворительная генеральша въ отставку „съ мундиромъ и пенсіей“, говорилъ Чортъ, „изволить кормить своихъ воспитанницъ жиденькимъ супомъ заставляя своихъ мастерицъ работать 16 часовъ въ сутки и ругается, какъ.. извоз., какъ генеральша. Вы посмотрите только, какія роскошныя комнаты она занимаетъ, какъ она сладко спитъ! Послѣ пяти благотворительныхъ блюдъ и спитъ хорошо! Долженъ вамъ замѣтить, что въ газетахъ „прочистили“ ее из-

рядно. Затуманилась, огорчилась, съ позволенія сказать, генеральша, призвала знакомаго „писателя“, и тотъ въ опроверженіе насточилъ:

Генеральша—просто чудо,
По ночамъ она не спитъ,
Если дѣткамъ плохо, худо,
Если что—нибудъ болитъ.

Къ великой радости это опроверженіе не сдѣлалось достояніемъ чи-

тающей публики, но я знаю его, самъ читалъ, ибо я есмь Чортъ. Съ той поры я влюбленъ въ эту, извините за выраженіе, генеральшу, да и какъ не влюбиться, когда писатель представилъ ее такой хорошенькой, такой добренькой, кормить дѣтей она не жиденькимъ супомъ, а только жидкимъ, и ругается она, не какъ генеральша, а какъ сапожникъ, принадлежащій къ партіи правого порядка“.... Идемъ дальше.

„Это,“ сказалъ Чортъ, „цензурный комитетъ или складъ газетной и журнальной бумаги. Сразу видно, что люди ученые засѣдаютъ и читаютъ сатирическіе журналы. Читаютъ.... И себѣ для удовольствія и для начальства пріятно: люди, молъ даромъ народныя деньги не получаютъ Читаютъ... и глубоко задумываются. Ба...

А это что? Рисунокъ шноръ—значить подъ 129-ую.

За оскорбленіе чиновъ—

Сухопутныхъ, моряковъ.

Свѣтало... Чортъ собирался исчезнуть... „Если буду вамъ нуженъ“, сказалъ на прощаніе Чортъ, „я всегда къ вашимъ услугамъ.“

Я въ мгновеніе предстану предъ вами, какъ только вы скажете:

Витте, Треповъ, Дурново
Хуже Чорта самого“.

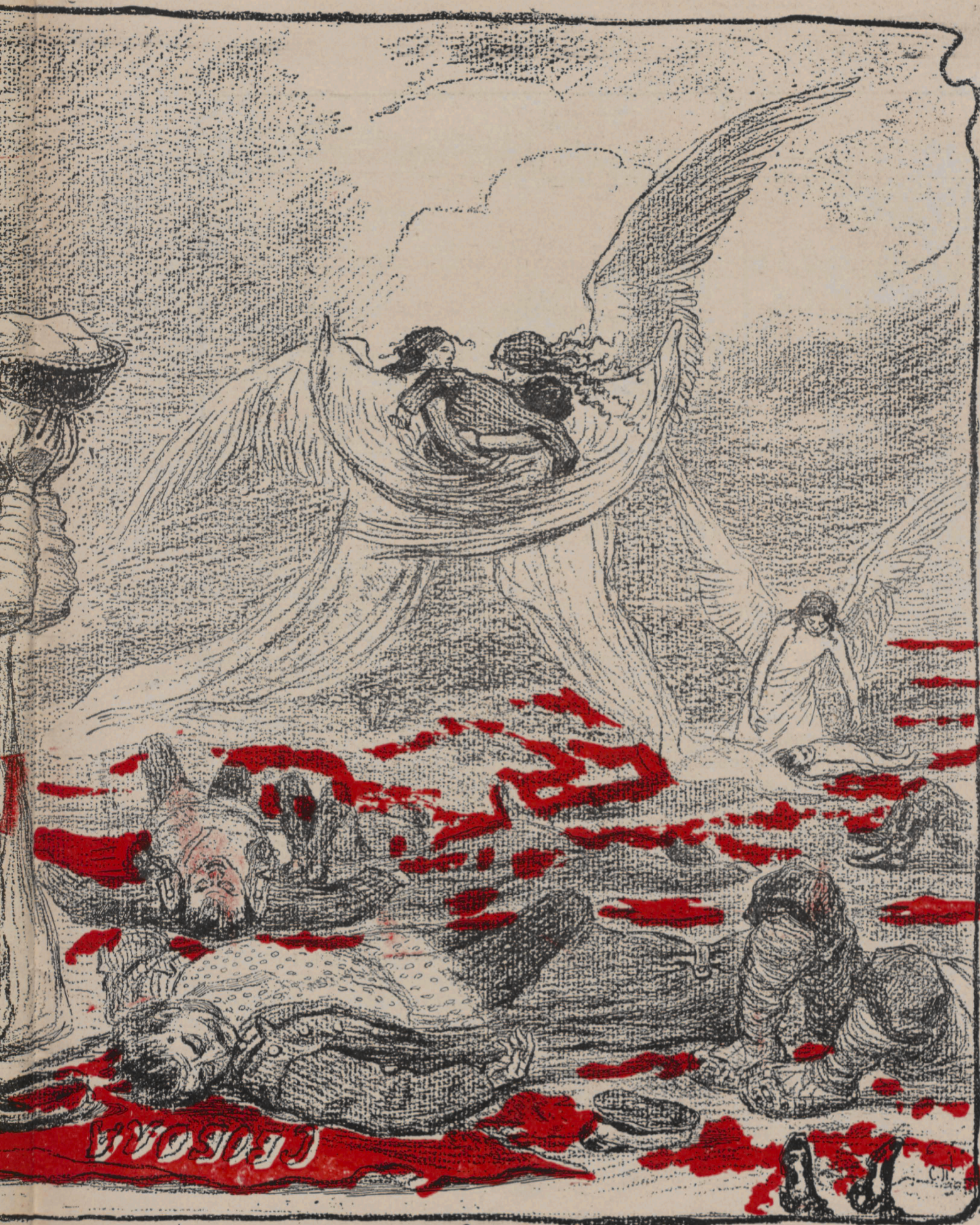
Н. Ларскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Горе душителямъ свѣтлой
свободы!
Всѣмъ имъ проклятье за
братскую кровь!
Годы минуютъ... кровавые
годы,
И надъ Россіей забрезжитъ
любовь!

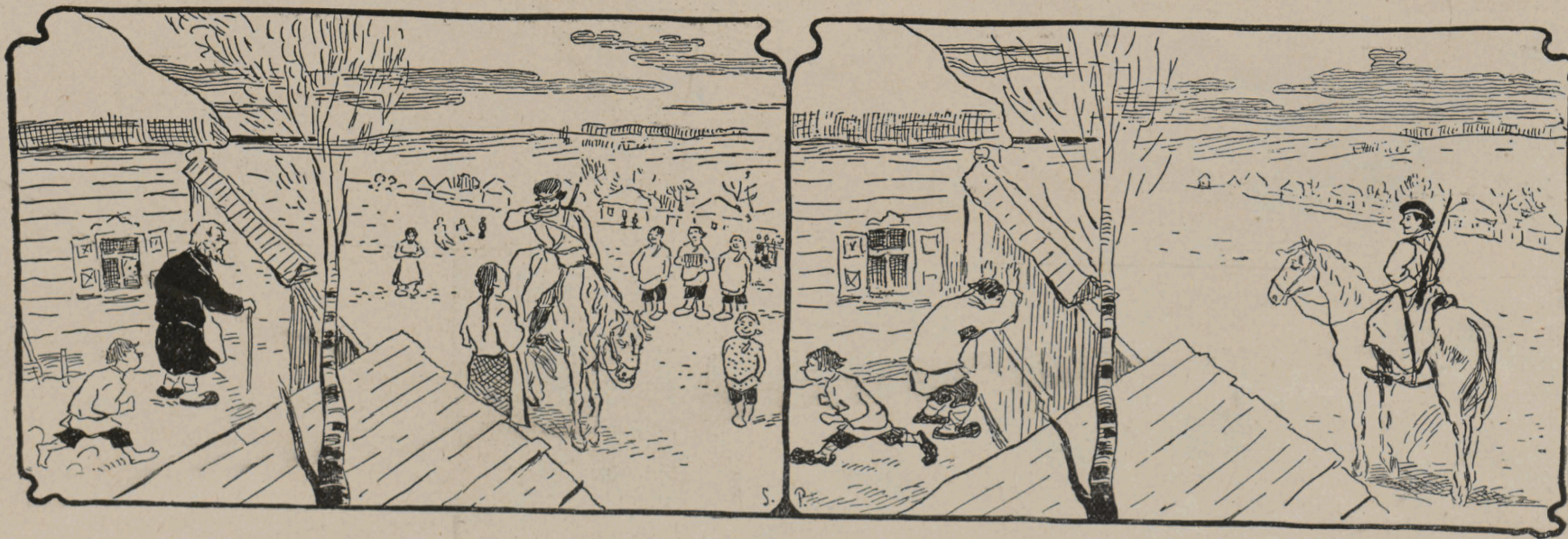

Вѣчная память борцамъ за сво-
боду!

Слава погибшимъ въ неравномъ
бою,

Слава тому, кто страдальцу на-
роду

Жаждаль помочь въ нашемъ раб-
скомъ краю!

ПРЕЖДЕ.

КАЗАКИ.

Прежде всюду казаками
Русскіе гордились,
Ихъ отважными боями
На войнѣ хвалились.
Но теперь пошло иначе,—
И летятъ казаки,
Опьяненные удачей,
На своихъ въ атаки.
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Съ дикою замашкой,
Позабывъ о чести долгѣ,
Своихъ рубятъ шашкой.
И по батюшкѣ по Дону,
Подъ Москвой Великой,—
Задаютъ вездѣ трезвону,
Расправляясь дико.
И теперь ихъ всѣ звѣрями
Хищными считают,
И, ихъ видя за дверями,
Въ страхѣ убѣгаютъ.....

Пушки.

Пародія.

Я Дубасова спросилъ,
Чѣмъ онъ руки окрасилъ,
— „Я не краской, не замазкой,
Я Москвою управлялъ,
Кровью руки замаралъ. К. С.

Изъ солдатской жизни.

„Эй ты, паря, отвѣчай-ка
Изъ устава мнѣ сейчасъ:
Кто врагъ внѣшній? Выкладывай-ка,
Всѣхъ на память мнѣ заразъ.“
„Господинъ ефлиторъ, дядя,
Не могу того я знать,
Знаю только, что „микада;
Остальныхъ мнѣ не понять.
„Эхъ ты, харя, какъ не знаешь
Ты російскихъ всѣхъ враговъ?
Англичановъ вспоминаешь,
Басурманскихъ-то сыновъ?
И ханцузъ и нѣмецъ-перецъ
Врагъ Россіи удалой,
Турка и лихой венгерецъ
И японецъ молодой.“
„Господинъ ефлиторъ, дядя,
Сразу понялъ съ вашихъ словъ,
Что у насъ, oprичъ „микада“,
Есть съ полдюжины враговъ.
„Такъ... теперь еще, къ примѣру,
Кто внутри Россіи врагъ,
Кто клянеть святую вѣру,
Проживаетъ на шармакъ?“
„Господинъ ефлиторъ, сразу
Не могу и это знать...
„Ну, такъ слушай, что въ указѣ
Говорятъ про эту „стать“:

ТЕПЕРЬ.

Врагъ внутри Россіи крѣпкій—
Это воръ, злодѣй, босякъ,
Финнъ, латышъ, еврейчикъ цѣпкій
И студенты всѣ да ляхъ“...
„А! теперь я уже знаю
Нашихъ внутреннихъ враговъ:
Хулигановъ различаю
Да убійцевъ и воровъ.
Только вотъ что непонятно,
Что студентъ-то также врагъ,
Иль сказали мнѣ невнятно?
Иль забыли ужъ никакъ?
Говорятъ, что для народа
Жистъ студенты отдають,
За крестьянскую свободу
Помирать они идутъ.
„Ахъ, ты бѣсово отродье!“
Тутъ ефрейторъ заревѣлъ,—
„Я хоша не благородье!“
Но не вѣрить мнѣ не смѣлъ:
Говорю, враги лихіе
Всѣ студенты, значить, вѣрь,—
Мои мысли не плохія,—
Знаю я уставъ теперь!
Вотъ „патреть“ висить, къ примѣру,
Это Минъ--начальникъ намъ!
А на „ихнюю“ то мѣру—
Просто-напросто онъ хамъ.
Павелъ Градскій.

С л у х и.

Харьковъ. Р. А. Принимаются мѣры для обезпеченія желѣзныхъ дорогъ топливомъ. Изъ экономическихъ соображеній министерство путей сообщенія, по слухамъ, предложило цензурному комитету предоставить въ его распоряженіе всѣ конфискованныя печатныя произведенія, рассчитывая, что новый горючій матеріалъ съ успѣхомъ замѣнитъ нефть, уголь и дрова. Съ такимъ же предложеніемъ намѣрено названное министерство обратиться и въ министерство финансовъ предоставить ему для этой цѣли и ренту.

Говорятъ, что двѣ дюжины отличившихся губернаторовъ также намѣрены требовать полной амнистии и отмѣны смертной казни.

У насъ имѣются: Государственный Совѣтъ, Сенатъ, Совѣтъ Министровъ, Комитетъ Министровъ. Для болѣе скорого и удачнаго разрѣшенія всѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ предполагается, помимо Государственной Думы, учредить еще: „Кабинетъ Министровъ“, „Залъ министровъ“, „Спальню министровъ“, „Столовую министровъ“ и „... министровъ“.

Намъ передаютъ, что для болѣе успѣшнаго займа, обезпеченнаго краткосрочными векселями, министерство финансовъ обратилось къ госпожѣ Шабельской съ просьбой отправиться во Францію и содѣйствовать Коковцеву.

Въ Совѣтѣ Министровъ горячо дебатировался вопросъ о расширеніи „черты еврейской осѣдлости“. Рѣшено, по слухамъ, расширить ее на два аршина и 5 вершковъ въ діаметрѣ.

Циркулируютъ слухи: въ виду повальнаго бѣгства артистокъ Михайловскаго театра во Францію, гдѣ проживаютъ теперь многіе русскіе адмиралы, адмиралтейство, признавая за Михайловскимъ театромъ великую заслугу разсадника нравственности среди моряковъ, всѣми силами „упросило“ нѣкоторыхъ артистокъ остаться въ Россіи и для увеличенія ихъ „доходовъ“ обѣщало принять всѣ мѣры для скорѣйшаго возвращенія Алексѣева и другихъ адмираловъ въ Россію.

Павлоградъ. Надзиратель города Муравьевъ съ прискорбіемъ извѣщаетъ высшее начальство, что всѣ принятые имъ мѣры для совершенія въ городѣ погрома, къ великому сожалѣнію, не увѣнчались успѣхомъ.

Вѣрный. Въ городѣ произошло землетрясеніе, но энергичными мѣрами полиціи вскорѣ было пріостановлено, при чемъ арестованы два социаль-демократа.

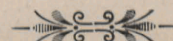

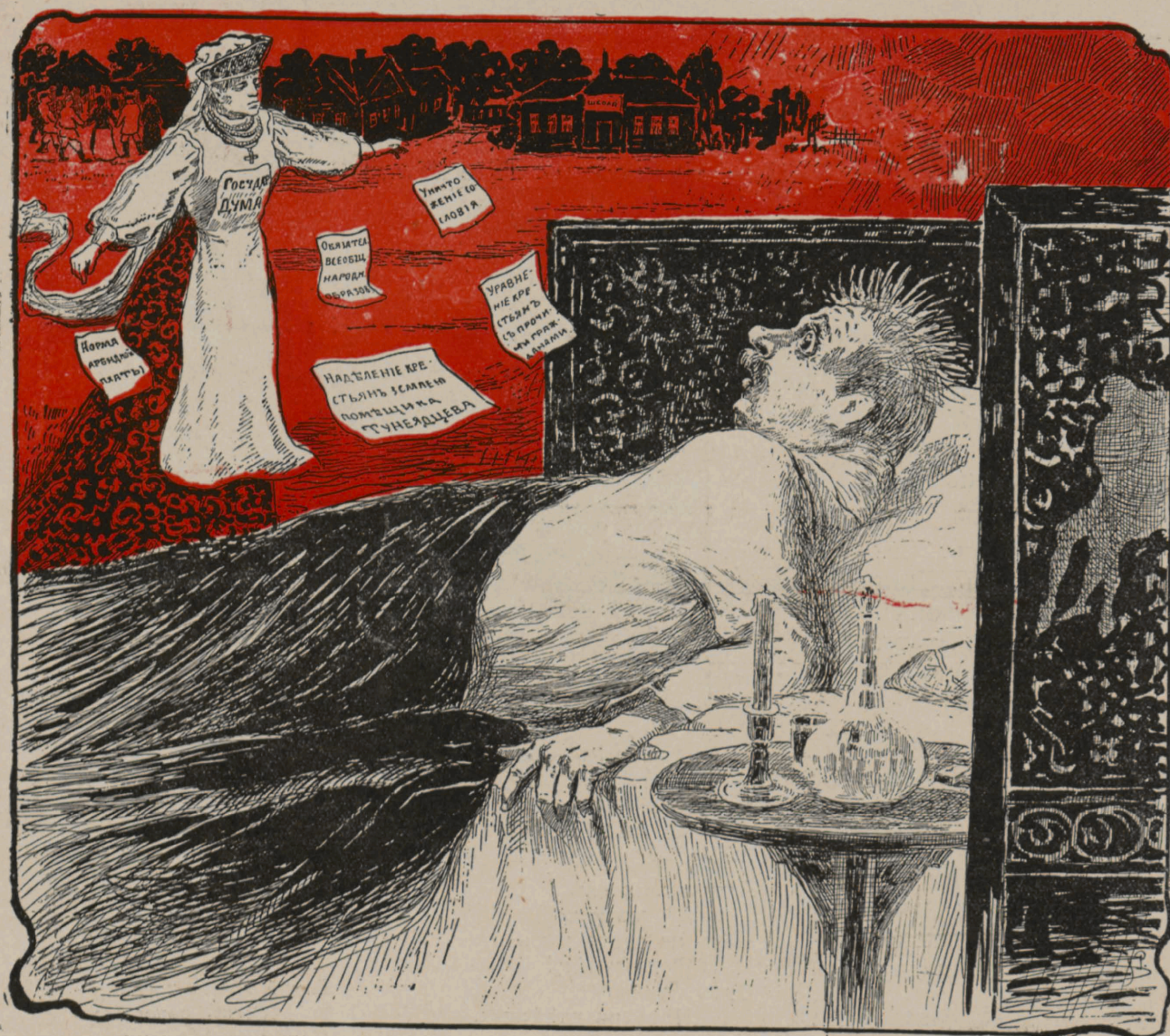
Д у м ы.

Сяду я за столъ
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Горемычному!
Отчего у насъ
Нѣтъ ни хлѣбушка,
Ни соломинки,
Ни скотинушки?
Что уныло такъ
Звонитъ колоколъ,
И народъ чего
Пригорюнился?
Почему вездѣ
Кровь невинная
На Руси святой
Разливается?
Что вы сдѣлали,
Злые враги,
Съ нашей матушкой
Русью праведной?
Почему ее
Вы ограбили
И палатъ большихъ
Понастроили?
А бывали дни:—
Жилось весело.

На гумнѣ было
Много хлѣбушка.
Лаской на небѣ
Грѣло солнышко,
Божій храмъ тогда
Сіялъ радостью.
Парни съ дѣвками
Распотѣшатся,
Распотѣшатся,
Разманежатся...
Парни съ дѣвками
Хороводъ ведутъ,
Пѣсней звонкою
Заливаясь.
Гдѣ жъ дѣвался ты,
Хороводъ лихой?
Гдѣ ты сгинула,
Пѣсня русская—
Пѣсня русская,
Разудалая,
Пѣснь веселая,
Распотѣшная?

Геодоръ Львовъ.

Страшный сонъ помѣщика—сюрюкрата Тунеядцева.

Осколки.

Амнистія—это освобожденіе уголовныхъ преступниковъ съ цѣлью предоставить свободныя мѣста въ тюрьмахъ „политическимъ“.

Прессомъ свободы не придавишь—не циркуляры Казенное добро генераламъ припасено.

Кто въ Москвѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ.

Съ пушкой шутить опасно, мо-

жетъ повернуться туда, куда слѣдуетъ.

Дурного звѣря пока силой не выгонишь, онъ все вредить будетъ.

Кто любитъ овесъ, тому мѣсто въ конюшнѣ.

Храбрость города беретъ (непріятельскіе), а трусость и безуміе свои собственные разрушаетъ.

Пьяному море по колѣни, а губернатору кровь по горло.

За моремъ телушка—полушка, а у насъ человѣкъ—грошъ.

БЕСѢДА.

Какъ у нашего сосѣда
Шла разумная бесѣда:
„Адъютантовъ“ проклинали,
Земскихъ лихомъ поминали,
Говорили о свободѣ,
О кровавомъ прошломъ годѣ,
Отчего народъ поднялся
И съ помѣщикомъ подрался,
Почему народъ кабалу
Проклиналъ уже не мало,
Почему народъ начальство
Ненавидитъ ужъ сызмальства.
Тутъ Ерема всталъ проворный,
По прозванію Безродный:
„Намъ землицы очень мало,
А тутъ водка вздорожала,
А безъ водки людъ „рассейскій“
Ненавидитъ путь житейскій.
Пьетъ и въ будни, въ день праздничный
Нашъ мужикъ и людъ фабричный.
Пьетъ ее онъ и съ веселья,
И съ кручины и съ бездѣлья.
Пьетъ бутылку, пьетъ и сотку,—
Въ кабалу идетъ за водку“.
„Не о томъ Ерема мелешь,
Балагуришь, канителишь.
Тутъ не въ водкѣ, знамо, дѣло—
Спичка, братецъ, насъ заѣла.
Вѣдь земли у насъ такъ мало,
А она тутъ вздорожала.
Не будь я, Ѳедотъ Овчина,
Спичка—это вся причина“.
„Тутъ и водка, тутъ и спички
„И другія заковычки“—
Сынъ сосѣда, славный малый,
Говорилъ, вездѣ бывалый:
„Тутъ неволя съ кабалою,
Да съ крестьянскою нуждою.
Темнотой насъ окружали,
Насъ и били, въ грязь топтали,
Насъ, какъ бѣдную скотину,
На помѣщичью то спину
Заставляли все трудиться,
Дни и ноченьки томиться.
Тутъ и земскій нашъ начальникъ,
Тутъ и староста печальникъ,
Попъ да дьяконъ длиннополый
Все съ церковною то школой.
Тутъ и высшее начальство,
Да казацкое удалство...
Врагъ, прославленный войною.
Да бѣда-то за бѣдою:
Голодъ. Плачъ дѣтей сердешныхъ
Вопли старыхъ безутѣшныхъ.
Тутъ и водка, тутъ и спички
И другія заковычки“.

Павелъ Градскій

Пѣсня о дубѣ.

На полянѣ, возвышаясь, росъ красивый лѣсъ годами,
молодой все лѣсъ и гибкій.

Посреди него сурово, нагло, гордо поднимался дубъ
высокій, мрачный видомъ. Его корни забирали влагу всю,
и съ каждымъ годомъ онъ все толще становился, стано-
вился онъ мрачнѣе.

И листва его густая закрывала отъ побѣговъ—моло-
дыхъ деревьевъ гибкихъ солнце яркое весною и зимою
бѣлоснѣжной. И какъ только лѣсъ красивый—молодые
всѣ побѣги запоютъ своей листвою о свободѣ и о солнцѣ,
о ручьяхъ и черныхъ тучахъ,—дубъ мрачнѣе становился
заглушалъ онъ пѣснь свободы, шелестѣлъ тогда онъ
громче, чтобы пѣсня молодая не лилася такъ свободно.
Только изрѣдка побѣги наслаждались солнцемъ яркимъ:
это было послѣ бури, послѣ грозъ суровыхъ, страшныхъ,
что сильнѣе съ каждымъ годомъ, разражались, все чаще.
Дубъ трещалъ тогда суровый. Его стволъ высокій, гроз-
ный гнилъ все больше, и побѣги молодые подымались
все смѣлѣе, и свободнѣй свою пѣсню послѣ грозъ они
все пѣли.

Гроза... Молнія сверкала. Вѣтеръ все сильнѣй, сви-
рѣпѣй становился, онъ ударилъ въ дубъ высокій. Подъ
напоромъ вѣтра грозно дубъ суровый покачнулся, и упалъ
онъ также грозно. Раздавилъ онъ много много молодыхъ
побѣговъ гибкихъ. И запѣли пѣснь листвою молодые
всѣ побѣги о свободѣ и о солнцѣ, что такъ мягко разли-
ваетъ теплоту свою, о буряхъ, о грозѣ и вѣтрѣ силь-
номъ, что сломилъ своимъ напоромъ дубъ высокій, мрач-
ный видомъ.

Теодоръ Львовъ.

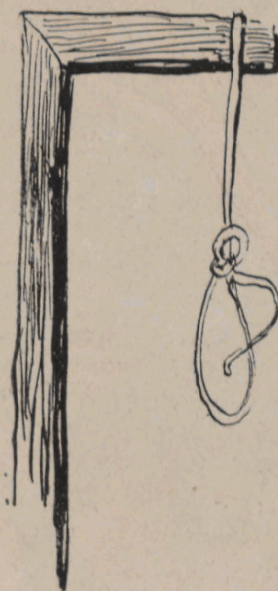

ХИТРЕЦЪ.

Разъ въ родномъ намъ государствѣ
И обширномъ русскомъ царствѣ
Жилъ былъ хитрый человѣкъ,
Всѣхъ хитрѣй въ двадцатый вѣкъ!
Хитрость, правда, умъ звѣринный,
Можетъ быть, что и ослиный,
Но у насъ въ святой Руси
На рукахъ его несли.
Звался онъ въ Россіи—Витте,
Такъ и вы его зовите.
Говорили, онъ уменъ
И въ политикѣ силенъ.
Какъ вы тамъ ни говорите,
Только къ свѣдѣнью пріймите:
Долженъ въ царствѣ хотъ одинъ
Быть умнѣй, чѣмъ храбрый Минъ;
Коль бѣда идетъ горою
Иль несчастье, горе злое,
Къ Витте всѣ тотчасъ бѣгутъ,
Имъ помочь его зовутъ.
Витте славный, нашъ спаситель,
Нашей жизни исцѣлитель!
Какъ на этотъ разъ намъ быть
Какъ, молъ, горю пособить?
Такъ немного порядивши
Остроумно обсудивши,—
Витте дастъ совѣтъ.—хитрецъ,
Гдѣ тебѣ, Сократъ—мудрецъ!
Было дѣло въ прошломъ годѣ—
Забастовки стали въ модѣ,
Что ни фабрика, заводъ,
Простятъ сразу шесть свободъ.
И крестьяне поумнѣе
Стали требовать сильнѣе!
Ты подай-ка намъ земли,
А что хочешь, тамъ мели!
И сермяги да всѣ свитки
Ужъ помѣщичьи пожитки
Уложили, чтобъ къ утру
Панъ убрался по добру.
Школы высшія кричали,
Мы давно уже поняли,
Гдѣ царить грабежъ, доносъ,
Водятъ тамъ народъ за носъ!
И желѣзные дороги
Тутъ явились для подмоги,
Телеграфъ и телефонъ
Стали дѣйствовать подъ тонъ.
На что лучше, и солдаты
„Прочь“ кричатъ, вы бюрократы!
Подавай такихъ намъ щей,
Чтобы не было червей!!“
Тутъ газеты всѣ пристали,
О свободѣ закричали;
Даже гадкая „Заря“
Ужъ не портить воздухъ зря

Взбунтовались всѣ матросы,
Что они голодны, босы.
Пристава—городовой
Не идутъ на мордобой.
Бюрократы испугались,
Къ хитрецу тотчасъ примчались.
Витте славный! Какъ тутъ быть,
Какъ тутъ горю пособить?
У тебя ума палата,
Больше, чѣмъ у бюрократа,
Ты подумай головой,
Какъ намъ справиться съ бѣдой!
И немного порядивши,
Хитроумно обсудивши,
Витте крикнулъ: „Отыскалъ“!
Я теперь ужъ либералъ!
Тутъ не нужно медлить, сразу
Накатаю по заказу,
Напишу въ одинъ присѣсть
Про свободу славный текстъ.
А тамъ дальше мы убавимъ
И свободу въ разъ задавимъ.
Только нужно, чтобъ солдатъ
Былъ намъ лучший пани-братъ.
Раскошелимъ мы карманы,—
Къ намъ на помощь хулиганы.
Тихо станеть на Руси,
Вы мнѣ скажете „мерси“.
Нѣтъ у насъ теперь свободы,
Неспокойны вновь заводы,
Снова врагъ городской
Ужъ идетъ на „мордобой“.

Θ. Арсеньевъ-Боярский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 годъ

на еженедѣльный художественный политико-сатирический журналъ

ВОДОВОРОТЪ.

Будетъ выходить отъ 12 до 16 стр. въ 2-хъ или 3-хъ краскахъ. Подписная цѣна на 1906 годъ безъ доставки 3 р. съ доставкой и пересылкой 4 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 1 руб., въ Мартѣ 1 руб., въ Маѣ 1 р. и въ Юнѣ р. Литературный и художественный матеріалъ просить присылать въ редакцію съ обозначеніемъ условій гонорара, имени, фамиліи и адреса автора (исключительно для свѣдѣній редакціи).

Присланный матеріалъ безъ обозначенія условій оцѣнивается редакціей. Матеріалъ, признанный редакціей негоднымъ, обратно не возвращается. Объявленія принимаются въ главной конторѣ журнала «Водоворотъ» по 50 коп. за строчку петита. Контора открыта ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней отъ 3 до 5 вечера. Тамъ же редакторъ принимаетъ для личныхъ переговоровъ отъ 3 до 5 часовъ вечера ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Адресъ Конторы и редакціи Итальянская 15 кв. 82.
Адресъ для телеграммъ С.-Петербургъ—Глянецъ.
Редакторъ-Издатель С. Н. Мендельсонъ.

Спб. Коммерч. Типо-Литографія М. Вилленчикъ. Литейн. 58.

№2

DK262
189

ВОДОВОРОТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОЛИТИКО-САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№2 (ЭКСТРА)

1906 Г.

ЦѢНА 10 К., съ
ПЕРЕСЫЛКОЙ 15 К.

**„Дѣло“ Политико-Сатирическаго журнала
Водоворотъ.**

Прости, дорогой читатель, что въ продолженіе полутора мѣсяца мы не могли выпустить слѣдующихъ выпусковъ нашего журнала: Администраціи не понравился „Водоворотъ“. Съ присущей ей энергіей въ подобныхъ случаяхъ, она конфисковала №№ у газетчиковъ, запечатала типографію Виленчика, арестовывала продавцевъ (смот. „Страна“) и т. д., словомъ она проводила въ жизнь, съ позволенія сказать „свободу печати“. Черезъ нѣкоторое время въ редакціи былъ произведенъ обыскъ по предписанію охраннаго отдѣленія, и конфискована переписка. Прокуратура была поставлена въ неловкое положеніе. Какъ водится, она хотѣла арестовать редактора, но..... редакторъ, безъ рукъ и ногъ, волею судебъ остался на

волѣ. Граждане—читатели! 24 марта въ залѣ окружнаго суда разсматривается дѣло журнала „Водоворотъ“. Обвиняется редакторъ за неуваженіе къ нашей арміи, высказанное въ статьяхъ „О Чертѣ“ Н. Ларскаго, „Бой при Технологическомъ институтѣ“ Демократки, „Казаки“ соч. Пушки и рисункъ „Усмирили“. Защиту принялъ на себя талантливый адвокатъ—борецъ Марголинъ...

№ 2 мы выпускаемъ въ урѣзанномъ видѣ, 4 типографа, эти новые русскіе цензоры, хотя и принадлежатъ къ конституціонно-демократической партіи, вычеркивали, урѣзывали и наконецъ совершенно отказывались печатать „политически неблагонадежный“ журналъ „Водоворотъ“. Въ томъ видѣ—съ тѣмъ матеріаломъ, который мы пожелали выпустить въ свѣтъ второй номеръ они не хотѣли печатать. Весь этотъ матеріалъ будетъ непременно выпущенъ въ свѣтъ: онъ принадлежитъ не намъ а всему русскому обществу.

Судъ идетъ... Судъ правый и милостивый. Читатель! у тебя хотятъ отнять журналъ „Водоворотъ“.

Редакція.

Пародія.

Когда народъ волнуется, какъ нива,
И заревомъ объятъ нависшій небосклонъ,
Когда въ толпѣ скрывается трусливо
Отъ пролетарскихъ глазъ шныряющій
шпіонъ,

Когда эс-эрь, будя въ сердцахъ отвагу
И разжигая страсти юныхъ дѣвъ,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 годъ

на редакціонный адресъ: Водоворотъ

Водоворотъ.

Оплата должна быть по адресу: Водоворотъ, редакторъ, 1906 годъ, 1-й номеръ. Водоворотъ, редакторъ, 1906 годъ, 1-й номеръ. Водоворотъ, редакторъ, 1906 годъ, 1-й номеръ.

Водоворотъ, редакторъ, 1906 годъ, 1-й номеръ. Водоворотъ, редакторъ, 1906 годъ, 1-й номеръ. Водоворотъ, редакторъ, 1906 годъ, 1-й номеръ.

Рокочетъ пламенно воинственную сагу,
Опасности грядущія презрѣвъ,—
Тогда ритмически дрожать мои под-
жилки,
Тогда мерцаетъ тускло свѣтъ въ моихъ
очахъ,
И бѣшенный объемлетъ душу страхъ,
И чувствую я близость предварилки.

Вилли.

Государственная Дума.

Эхъ, ты, Дума, наша Дума
Государственная Дума!
Скоро ты ужъ соберешься...
Но скажи, ты отзовешься
На несчастья народа,
Что тяжёле, годъ отъ года,
Проживаетъ безъ привѣта,
Лямку тянетъ безъ просвѣта?

Насъ избавишь отъ вампировъ?
Ты поклонниковъ кумировъ
Золотыхъ, скажи, разсѣешь?
Сѣмя доброе сумѣешь
Ты взрастить на русскомъ полѣ?
Изъ тисковъ и изъ неволи
Сможешь вырвать людъ голодный
На великій путь свободный?

Ты кому откроешь двери...?
Ужъ не тѣмъ ли, что безъ мѣры
Насмѣялись надъ народомъ,—
Грабить шли его походомъ?
Что народное богатство
На попойки и на пьянство
Понемногу забирали,
Русь святую расхищали!

Кто крови пролилъ потоки,
Кто народные всѣ соки
Выжималъ. Кто на науку
Наложилъ съ цѣпями руку!
Кто лишь тьмой одной кромѣшной
Окружалъ крестьянъ поспѣшно,
Чтобы легче было грабить
И хитрѣе съ нимъ лукавить!

Петербургъ. Министръ финансовъ Шиповъ объявляетъ конкурсъ на сочиненіе: «Кладъ и гдѣ его искать».

Гомель. Высшее начальство губерніи осталось недовольно погромомъ. Въ живыхъ оказалось до 600 приказчиковъ.

Кіевъ. Городской голова на экстренномъ засѣданіи думы заявилъ, что не будь онъ головою, въ Кіевѣ не было бы «мучениковъ и угодниковъ».

Томскъ. Вслѣдствіе неблагонадежности, нашъ университетъ ссылаютъ въ Якутскую область.

Петербургъ. Циркулируютъ слухи, что высшія сферы, желая гарантировать болѣе успѣшный и выгодный заграничный заемъ, высказали желаніе вмѣсто одной Государственной Думы, собрать сразу нѣсколько, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что «оптомъ» будетъ «выгоднѣе».

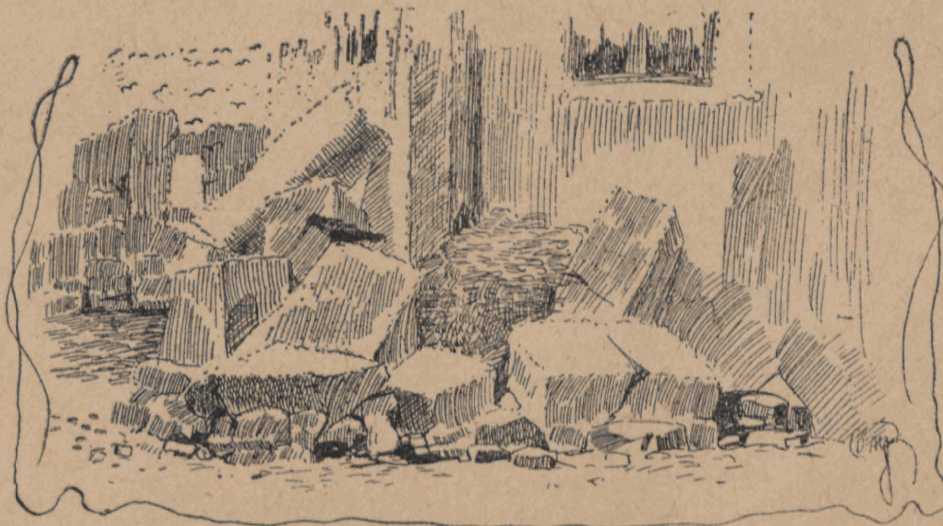
Петербургъ. Въ виду того, что нѣкоторые министры по 2—3 недѣли сидятъ дома и не выходятъ на дворъ медицинскій департаментъ, понимая, что подобнаго рода ненормальность можетъ отразиться на «внутреннихъ» дѣлахъ Россіи, просилъ специалистовъ-врачей, какъ говорятъ, освидѣтельствовать министровъ.

Будь правдивѣй наша Дума,—

Государственная Дума!
Ты прости свои объятія
Для голодной темной брати!

Кто носилъ рабочихъ знамя,
Въ чьей душѣ горѣло пламя,
Кто боролся за свободу,
Жаждалъ кто помочь народу!

Лавель Градскій.

Весна.

Съ неба чистаго,
Съ неба синяго
Ужъ по-вешнему
Свѣтитъ солнышко,
И сѣдой морозъ
Съ злыми вьюгами
Ужъ въ послѣдній разъ
Потѣшается.
Такъ и кажется—
Бородатому
На покой идти,
Ой, тошнехонько.
А напрасно онъ
Тратитъ силушку—
Побѣдить его
Солнце красное;
Понапрасну дѣдъ
Силой хвалится,—
Ему съ солнышкомъ
Не поправиться...
Не знобить оно,—
Грѣетъ ласково.—
Вотъ въ чемъ силушка
Заключается!
На лѣса, поля
На раздольные
Лишь дохнетъ онъ
Тепломъ-радостью,—
Сторонись, морозъ,
Сторонись, сѣдой,—
Миновалось
Твое времячко!
Провались въ сугробъ
Снѣга талаго,—

Снѣга талаго,
 Запоздалаго.
 Покорись, сѣдой,
 Своей долюшкѣ:
 Не махнешь клюкой
 Ты на волюшкѣ.
 Для тебя сугробъ,
 Что могилушка —
 Съ нимъ растаетъ вся
 Твоя силушка.
 И, споетъ тебѣ
 Похоронную
 Не метелица —
 Вьюга зимняя, —
 Рѣзва ласточка
 Бѣлогрудая
 Жавороночекъ
 Жизнерадостный
 Пропоютъ тебѣ,
 Дѣдъ отходную
 По весеннему,
 По веселому...
 Съ неба чистаго,
 Съ неба синяго
 Ужъ по-вешнему
 Грѣетъ солнышко.
 И, звенять ручьи —
 Колокольчики,
 Верба бѣлая
 Улыбается
 Тихо лѣсъ шумить
 Красной почкою,
 Что нарядъ сулить
 Густолиственный...

С. Прохоровъ

О Чертѣ.

(Продолженіе).

Мнѣ нуженъ былъ Чертъ до зарѣзу. Муза моя совершенно «забастовала», какъ въ былые дни министерскія головы. Въ эту минуту я былъ самымъ ярымъ врагомъ всевозможныхъ забастовокъ и готовъ былъ даже записаться въ партію правового порядка, если бъ партія принимала порядочныхъ людей. Денегъ, какъ говорится, у меня столько же, какъ въ министерствѣ финансовъ, сирѣчь ни сантима. Все мое богатство приходило въ упадокъ... Мой сюртукъ, семь разъ лицеванный, но все еще новый, семь разъ подрѣзанный, но все еще длинный, отказывался купить даже старьевщикъ... Изъ сапогъ выглядывали пальцы для обозрѣнія природы... Голова моя усиленно работала. Я перебиралъ всѣхъ знакомыхъ, полужнакомыхъ, у кого можно было бы признять на это тяжелое время.....

Остается одинъ Чертъ, да и тотъ попалъ недавно въ просакъ; купилъ русскую ренту. Если онъ не дастъ или, по крайней мѣрѣ, не посоветуетъ, то придется поступить въ газетчики «Русскаго Государства», этого новаго органа не «красносотеннаго, не желтосотеннаго и, пожалуй, что и не черносотеннаго. Опять заковылка: безъ политической благонадежности въ эту священную касту и не принимаютъ, а въ такое время получить «благонадеж-

ность» студенту такъ же трудно, какъ распространить 1000 экземпляровъ газеты «Русское Государство».

Появился Чертъ, который сообщилъ мнѣ пренепрятнѣйшее извѣстіе: въ редакціи происходилъ обыскъ. Мы отправились... Чертъ сталъ околodочнымъ надзирателемъ, а меня превратилъ въ старшаго дворника, и мы, какъ полноправные граждане, могли наблюдать презабавную картину обыска, произведеннаго по предписанію «охраннаго отдѣленія «неприкосновенности жилищъ».

Чинъ ревностно исполнялъ свои обязанности. Найдя сочиненіе Дарвина, онъ глубокомысленно задумался. Онъ разсуждалъ. Человѣкъ происходитъ отъ обезьяны: Витте, Треповъ, Дурново суть человѣки, слѣдовательно и они, столь почтенные и умные администраторы, въ своемъ прошломъ имѣютъ нѣкоторое родство съ обезьяной, а посему, конфисковать сіе произведеніе. Но тутъ чинъ «споткнулся», увидавъ вдохновляющія всю его жизнь слова: «Дозволено цензурой». А это что? Чинъ наморщился...

Граждане! Поднимайтесь „не позже 8 часовъ утра“ Такъ дальше жить невозможно. Вооружайтесь ножами и „вилками“ и рѣжьте направо и налево свиную „колбасу“ Призывъ къ вооруженному возстанію—безъ сомнѣнія, подумалъ ревностный исполнитель законовъ и, такъ какъ при семъ документѣ не стояло «дозволено цензурой», онъ хотѣлъ его конфиско-

вать, но Чертъ его остановилъ: «Коллега, напрасно вы изволите сомнѣваться на счетъ благонадежности этого документа.

Обратите вниманіе на «свиную колбасу». Крамолы здѣсь, по моему, нѣтъ никакой: евреямъ строжайше запрещено имѣть дѣло съ «свиньями», а безъ евреевъ нѣтъ крамолы—это вамъ скажетъ даже Ярмонкинъ и Крушеванъ... Чинъ вполне согласился съ Чертомъ.

На столѣ не нашли ничего предосудительнаго.

«Компанія», составивши протоколъ и не найдя по своему «усмотрѣнію» возможности арестовать редактора, съ шумомъ ушла.

Итакъ—редакторъ вооруженнаго сопротивленія не оказалъ, хотя имѣлись громаднѣйшіе шансы на это: въ редакціи были: 1 «Пулеметъ», 4 «Стрѣлы», 3 «Пули» и 2 «Бомбы».

Занявъ мнѣ денегъ, Чертъ собирався исчезнуть и просилъ, по мѣрѣ надобности, продолжать его вызывать.

Н. Ларскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Студенты и черносотенцы.

(Современная баллада).

Утромъ разъ студенты рано
Возвращались домой;
Въ глухомъ мѣстѣ хулиганы
На нихъ бросились гурьбой.
Но студенты не робѣли,
Защищая жизнь свою,
И, возможно-бъ, одолѣли
Черносотенцевъ въ бою,
Но явился на тревогу
Полицейскихъ вдругъ отрядъ...
Съ той минуты понемногу
Сталъ рѣдѣть студентовъ рядъ.
.....
Въ темной улицѣ проснулись,
Сталъ народъ вездѣ вставать,—
Полицейскіе вернулись,
Чтобъ обходъ свой продолжать.
Хулиганы разбѣжались,
Взявъ трофеи всѣ съ собой,—

И на мѣстѣ, гдѣ сражались,
Не кипитъ ужъ больше бой.
Не свистятъ тамъ злобно пули,
Не работаютъ ножомъ,—
Лишь студенты всѣ уснули
Непробуднымъ, мертвымъ сномъ....

Блуждающій огонекъ.

Завѣтъ.

Не жалѣть ни о чемъ никогда!
Отрываясь отъ старыхъ страданій,
Черезъ трупы разбитыхъ желаній,
Твердо шествовать къ цѣли всегда.
Сохранивши кипучую страсть,
Разомъ въ бездну, въ урочное время,
Сбросить съ плечъ ненавистное
бремя,
Побѣдить навсегда или пасть!

Вас. Томскій.

Трауръ.

Мнѣ хочется думать о будущемъ
счастьѣ
Измученной горемъ родимой страны,
А въ сердцѣ истерзанномъ—слезы
и трауръ
И темные—темные вѣщіе сны...
Мнѣ хочется радужно грезить, но
въ лицахъ
Страдающихъ братьевъ читаю я
слѣдъ
Невидимыхъ міру, окутанныхъ гор-
дымъ,
Окованныхъ грознымъ безмолвіемъ
бѣдъ...
Мнѣ хочется вѣрить... Безумно про-
снется
Мечта, вспоминая Икаровъ полетъ,
А въ думахъ все—трауръ глубокій
и слезы
По свѣтлымъ надеждамъ въ желан-
ный исходъ.

Вас. Томскій.

Отъ редакціи „ВОДОВОРОТЪ“.

Литературный и художественный матеріалъ просятъ присылать въ редакцію съ обозначеніемъ условій гонорара, имени, фамиліи и адреса автора (исключительно для свѣдѣнія редакціи).
 Контра открыта отъ 10 до 1 ч. дня. по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ Тамъ же редакторъ принимаетъ по тѣмъ же днямъ отъ 3 до 5 часовъ вечера.

Адресъ конторы и редакціи Пушкинская 19, кв. 41. Адресъ для телеграммъ С.-Петербургъ—Глянецъ.

Развратъ

Еженедѣльный Художественный Политико-Сатирический Журналъ.

№ 3.

1906 г.

Цѣна 15 к.,
съ пересылкой 20 к.

Москва.

(Изъ посвященій Лубасову).

Москва предо мною. Одинъ въ сторонѣ
Стою я на крышѣ, объятый кручиной;
Блестящій уланъ и семеновецъ чинный
Торчатъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу крамолы рожденье
И грозное зоркихъ патрулей движенье.
Здѣсь дымъ, словно туча, ползеть
надо мной;
Тамъ,—ниже, чернѣя, растутъ бар-
рикады,
Драгуны стрѣляютъ изъ ловкой за-
сады,
И гулъ пулеметовъ мнѣ слышенъ
глухой.
А тамъ ужъ „эс-эры“ въ огромныхъ
домахъ
Укрылись;—снаряды легаютъ оттуда,
И войско рѣдѣетъ—не сказка-ль, не
чудо?—
Защитниковъ гложетъ мучительный
страхъ!
А Минъ, знаменосца встрѣчая шрап-
нелью,
Въ злорадствѣ ликуетъ, предавшись ве-
селью.
Ликуетъ и воетъ, какъ звѣрь мо-
лодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки же-
лѣзной,
И спорить, ехидный, въ враждѣ без-
полезной
Съ могучей и властной и дерзкой
толпой...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему ни от-
рады;
Крамолы смѣлѣетъ; растутъ барри-
кады!

— ы —

Прокуроръ.

Съ осанкою гордой, съ улыбкой надменной,
Онъ взоромъ побѣднымъ обводитъ весь залъ,
Гдѣ холодъ отъ рѣчи его вдохновенной
Невольно сердца всѣ тревогой сковаль.
Онъ здѣсь представитель закона суровый,
Карать всѣхъ привыкшій давно прокуроръ.
Кончаетъ свое онъ послѣднее слово
И смертный готовъ ужъ изречь приговоръ...
Но что же замолкъ онъ, весь полный смя-
тенья,

И скорбно на грудь головою поникъ?
Зачѣмъ его взглядъ такъ исполненъ сму-
щенья,

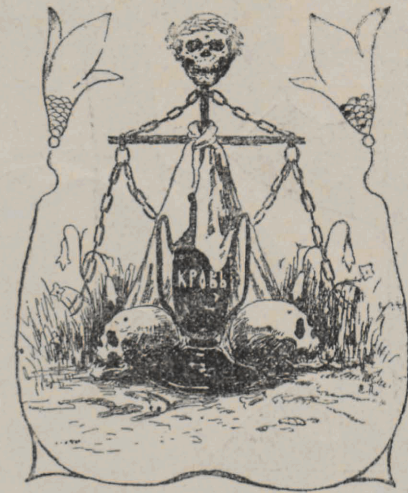
И блѣдностью смертной подпернулся ликъ?...
Съ моимъ повстрѣчался онъ сумрачнымъ
взоромъ,

И взглядъ его выразилъ скорбный испугъ.
Какъ будто сраженный безмолвнымъ укоромъ,
Далекое прошлое вспомнилъ онъ вдругъ.
Быть можетъ припомнилъ онъ наше про-
щанье:

Студентами оба мы были тогда;
Насъ трогало живо чужое страданье,
Была намъ близка горемычныхъ нужда...
Лились его рѣчи, дышавшія страстью—
На пользу страдающихъ братьевъ служить
И силы своей для народного счастья
Въ борьбѣ съ произволомъ людскимъ не
щадить....

Быть-можетъ давно забытые звуки
Слѣснили его очерствѣвшую грудь,
И понялъ онъ сердцемъ тѣ тяжкія муки,
Что манять людей на погибели путь...
И вдругъ вмѣсто слова: „казнить его надо“,
Онъ голосомъ тихимъ лишь въ силахъ сказать:
„Несчастный преступникъ достоинъ пощады,
Просту снисхожденье ему оказать....“

О. Умова.

На мотивъ изъ русскихъ пѣсень.

Губернаторъ разсылаетъ
Всѣхъ по тюрьмамъ безъ суда:
Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы ни труда.

Капиталь—ты не забудь, ка
Никого не обижалъ:
Шелъ по улицъ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ.

Укажите хоть страницу
Славы грозного судна:
Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня.

Горемыкинъ вамъ, ребята,
Дастъ свободы наконецъ:
Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ.

Стессель съ каждымъ днемъ бѣднѣетъ,
Впалъ совсѣмъ онъ въ нищету:
Кто накормитъ и согрѣетъ
Боже добрый, сироту.

Приставъ, зорко наблюдая,
„Все, кричитъ, „я задавлю“:
Не брани меня родная,
Что тебя я такъ люблю.

Бюрократы вѣкъ отъ вѣка
Все творятъ намъ чудеса:
Пропaday моя телѣга—
Всѣ четыре колеса.

Н. Ларскій.

Что осталось послѣ Витте?

Секта вымирающая:

Дурновиты.

Секта нарождающаяся:

Маріавиты.

Секта бессмертная:

Aquavit'ы.

А Р.

Ш.

Я хотѣлъ бы заплакать и горько рыдать,
Горемыкъ всю правду хотѣлъ рассказать
О придавленной бременемъ братьѣ, —
Но сказали враги: ты не смѣй, не
рыдай,

Ты народу, поэтъ, говорить не дерзай
О правдивомъ страдальце въ проклятьѣ:
Онъ услышитъ ихъ стоны, рыданья,
мольбу —

И разрушить оковы — улучшить
судьбу

Ө. Арсеньевъ-Боярскій.

Осколки.

Черви и скверныя щи, другого добра
въ казармахъ не ищи.
Съ Дурново побыть часокъ, посидѣть
на годокъ.

Кто Россію желаетъ спасти, тому много
„чести“ нужно сначала припасти.
Куда ракъ съ клешней, туда и Орловъ
съ петлей.

Гляди глазами, нѣтъ-ли Мина съ но-
жами.

С — — — й.

Я хотѣлъ бы...

I

Я хотѣлъ бы орломъ въ поднебесье
летѣть,
И оттуда на вольныхъ людей посмотрѣть,
На лѣса, серебристыя воды,
Но сказали враги: — ты не смѣй, не
летай,
Опустись поскорѣй, съ высоты не взи-
рай,
Какъ живутъ всѣ другіе народы.
Лишь услышитъ о нихъ нашъ голодный
народъ, —
Онъ разрушитъ оковы и цѣпи порветъ.

* * *

II.

Я хотѣлъ бы веселую пѣсню пропѣть
Осужденнымъ и горе и муки терпѣть,
Пѣснь о радости жизни, о счастьѣ,
Но сказали враги: ты не смѣй, не
мечтай
И народъ ты, пѣвецъ, вдохновлять не
дерзай —
Онъ привыкъ жить въ нуждѣ и не-
настьѣ —
Онъ повѣритъ въ красивую пѣсню твою
И разрушитъ оковы — неволю свою.

* * *

О Чертъ.

(Продолженіе).

Обыски, при которыхъ иногда пропадали вещи, особенно пальто горохового цвѣта; аресты и высылки „полу-гражданъ“, которые своими „красными убѣждениями“ дразнили „черно-сѣрыхъ“ индюковъ бюрократовъ, за исключеніемъ крови ненавидящихъ все красное; всеобщіе, прямые, равные и тайные выборы съ участіемъ гг. земскихъ начальниковъ, урядниковъ и всей черной сотни; побѣда кадетовъ и полное поражение союза 17 октября и правоподрядчиковъ, которые для вящаго успѣха рѣшили въ слѣдующую сессію называть себя чуть ли не „анархистами“; — крокодиловы слезы Карла Амаліи Грингмута, получившаго одинъ голосъ и то свой собственный; временно—долгія прагила о печати вообще, а въ частности о политико-сатирическихъ журналахъ, которые изображали Витте-Дурново-Дубасова и К° во всѣхъ видахъ, за исключеніемъ конечно, человѣческаго; загадочное для общества и не столь загадочное для администрации исчезновение (героя по нѣкоторымъ сказкамъ и провокатора по другимъ сказаніямъ и былинамъ) Гапона; соревнованіе темныхъ силъ.—Дурново и Витте, кончившееся полной

побѣдой обоихъ, удаленіемъ Сергія Каменноостровче въ свой дворецъ и уходомъ Дурново изъ сферъ, неподобающихъ, въ болѣе подходящія мѣста, а именно:

Гдѣ поля заблестѣли подъ солнцемъ

Гдѣ растеть, зеленѣя, овесъ;

образованіе новаго горемыкающаго кабинета, не извѣстно сколько дней существующаго;—все это произошло не въ Турціи, а въ Россіи. Нужно было разобраться въ этомъ хаосѣ быстро смѣняющихся другъ друга событій, а—самому почти невозможно: нуженъ былъ Чертъ, который разоблачилъ бы, къ какой націи принадлежитъ покушавшійся на жизнь покушавшагося на многія жизни сухопутно-рѣчного чистокровнаго адмирала Дубъ-Асова: къ іудейской, столь желательной для правительства или къ православной. Обозрѣвъ всѣ нужные для сего члены тѣла бомбометателя, онъ навѣрное сказалъ бы сыщикамъ администрации:

Расскажите вы ей,
Что онъ не еврей,

но что дѣдъ его былъ евреемъ—то для этого имѣются достаточно фактовъ, какъ то: 1) костюмъ заказанъ у еврея портного, что безсомнѣнно указываетъ на склонность преступника къ іудейской націи, а такая склонность должна быть непременно наследственной, 2) расположеніе языка таковое, что преступникъ не могъ чисто выговаривать букву „р“, 3) носъ, выпрямившійся послѣ взрыва, былъ до исполненія преступнаго дѣянія, безъ сомнѣнія съ горбинкою и 4) преступникъ принадлежалъ къ крамольной партіи, именующей себя с. революціонерами, а въ оной партіи насчитывается 83% лицъ—іудеевъ и питающихъ къ этой націи нѣкоторую склонность. Чертъ сказалъ бы мнѣ, не изъ „французскихъ“ ли суммъ выдано Дурново 200000 рублей за усмиреніе крамольниковъ, которые, несмотря на всѣ старанія правительства, не хотѣли осуществленія сво-

бодъ и всѣми силами добивались режима фабрикаціи фонъ-Плеве. Онъ сказалъ бы мнѣ точно: черезъ 3 или 4 дня разгонять думу и какъ разгонять, штыками или пулями. Онъ повѣдалъ бы мнѣ, какое отличіе получить чувствующій себя плохо отъ страха усмиритель Бѣлокаменной, исходя изъ того принципа, что послѣ покушенія слѣдуетъ повышение; онъ сообщилъ бы мнѣ, кто пользуется большей властью: Горемыкинъ или Стишинскій и, кто кого смогъ бы, еслибъ пожелалъ, повѣсить.

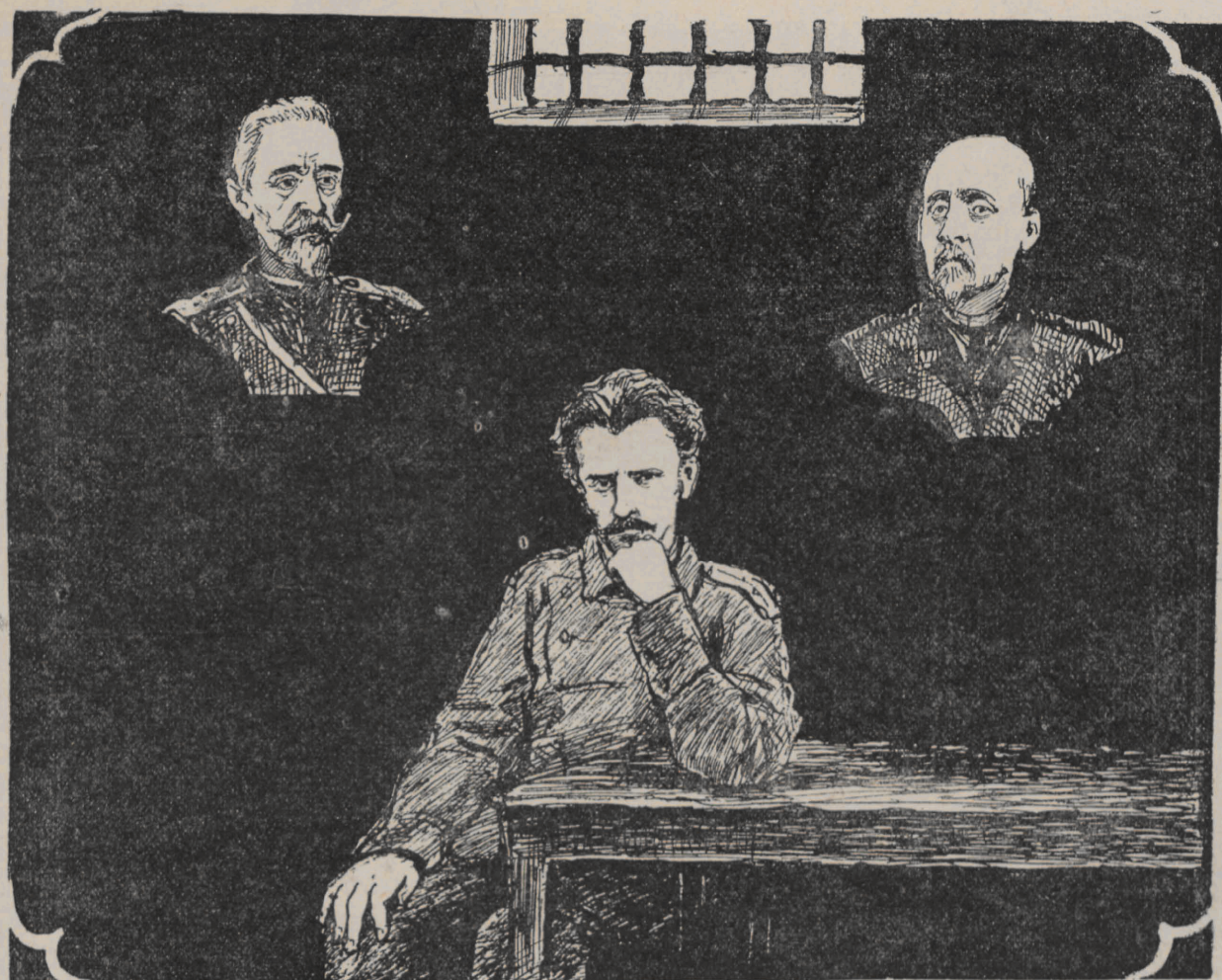
Я былъ почему-то увѣренъ, что Чертъ сегодня прійдетъ. И дѣйствительно, черезъ 2—3 минуты, напѣвая свою любимую пѣсенку, вошелъ Чертъ. Поздоровавшись со мной со свойственной ему любезностью, совершенно отсутствующей у надзирателей „Крестовъ“, онъ предложилъ мнѣ отправиться подышать свѣжимъ воздухомъ, что еще не воспрещено временными правилами и обозрѣть Таврическій дворецъ, входъ куда безъ зеленаго билета обыкновеннымъ смертнымъ не дозволяется.

Мы пошли.

Н. Ларскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Современная пѣсня.

Куропаткинъ не дуракъ,
А все пятился какъ ракъ;
Ай люли, ай люли,
А все пятился, какъ ракъ.
Алексѣевъ не дремалъ,
Сотни тысячъ наживалъ;
Ай люли, ай люли,
Сотни тысячъ наживалъ.
Стессель на словахъ герой,
А на дѣлѣ ой-ой-ой;
Ай люли, ай люли,
А на дѣлѣ ой-ой-ой!
Треповъ гналъ всѣхъ на разстрѣлъ,
И патроновъ не жалѣлъ;
Ай люли, ай люли,
И патроновъ не жалѣлъ;
Витте тьму сулилъ свободъ,
И надулъ честной народъ;
Ай люли, ай люли,
И надулъ честной народъ;

Дурново задатки бралъ,
Но овесъ не отдавалъ;
Ай люли, ай люли,
Но овесъ не отдавалъ;
Знаютъ всѣ въ Москвѣ теперь:
Человѣкъ бываетъ звѣрь,
Ай люли, ай люли,
Человѣкъ бываетъ звѣрь.
Нашъ полковникъ, славный Минъ
Получилъ недавно чинъ,
Ай люли, ай люли,
Получилъ недавно чинъ;
Нейтгардтъ тоже не робѣлъ,—
И валились груды тѣлъ;
Ай люли, ай люли,
И валились груды тѣлъ.
Нашъ Дедюлинъ молодецъ,
Всей полиціи отецъ;
Ай люли, ай люли,
Всей полиціи отецъ.

Двѣ картинки.

I.

Тихо... Пустынно на островѣ было...
Волны катили, сердясь, къ берегамъ,
Чайки порою протяжно, уныло,
Дико стонали, носясь по волнамъ...
Тихо... Стоять дорогіе герои...
Кто-то спокойно скомандовалъ „или“...
Пали... Убиты... И въ царство покоя
Ангелы тѣни героевъ вели.

Островъ невѣдомый—островъ стра-
данья—

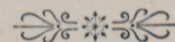
Будешь отнынѣ для насъ маякомъ,
Вѣчной святыней. Людскія созданья
Станутъ молиться надъ славнымъ
врагомъ.

II.

Весело... Вина игриво пѣнились...
Хоръ, торжествуя, съ балкона звучалъ,
Пары за парами въ вальсѣ носились:
Балъ бюрократа безумьемъ дышалъ.
Злая иронія... Люди страдаютъ
Тамъ,—погибаютъ за счастье страны,—
Здѣсь же ликуютъ и нагло гуляютъ,—
Праздникъ во славу идетъ сатаны...
Балъ камарилы въ борьбѣ ослѣпленной,
Будешь отнынѣ ты памятенъ намъ,—
Русскій народъ, маякомъ привлечен-
ный,

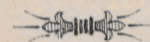
Земно поклонится славнымъ мо-
щамъ.

Д. Арсеньевъ — Боярскій.

Паволакій Крушеванъ—
Патріотъ и хулиганъ;
Ай люли, ай люли,
Патріотъ и хулиганъ;
Вотъ Суворинъ-дипломатъ
И за то, какъ Крезъ, богатъ;
Ай люли, ай люли,
И за то, какъ Крезъ, богатъ.
А другихъ—за кутерьму,
Всѣхъ редакторовъ въ тюрьму;
Ай люли, ай люли,
Всѣхъ редакторовъ въ тюрьму.
И повсюду, какъ ни взглянь,
А выходитъ—дѣло дрянъ;
Ай люли, ай люли,
А выходитъ—дѣло дрянъ.

Демократка.

По роднымъ полямъ,
По не вспаханымъ,
Тихо смерть бредеть
Весной раннею,
И кругомъ по нимъ
Гостьей страшною
Роковой постъвъ
Зачинается.

На родныхъ поляхъ,

Кровью смоченныхъ,

Золотая рожь

Заволнуется,

И ковыль кругомъ

Ея золотомъ—

Ея колосомъ—

Принакрется.

ДОНЪ.

Вспомни, Донъ, горделивую ширь твоихъ солнцемъ залитыхъ степей, гдѣ неслися галопомъ лихимъ молодые отваги сыны, гдѣ веселая пѣснь раздавалась, чѣмъ эхало лѣсное, развѣй, восхваляя отчизны бывые счастливые вольные дни...

И сражали сыны всѣхъ надменно—кичливыхъ враговъ, защищая великую мать, дорогую отчизну свою, выдвигая за право святое горячихъ свободы борцовъ, вдохновенныхъ и гордыхъ собой, закаленныхъ въ священномъ бою...

Донъ, тобой восхищалась вся Русь, обращаясь въ надеждѣ къ тебѣ, не сорвешь ли ты рабства тяжелыхъ, гремящихъ оковъ, не поможешь ли ей за свободу и счастье въ борьбѣ и не сломишь ли ты всѣхъ постыдныхъ кумировъ—боговъ...

А теперь посмотри, какъ катится уныло волна къ берегамъ, тоскливо какъ ночью на небѣ крадется луна; слышишь,—филина смѣхъ раздается глухой по лѣсамъ; безуміемъ дышетъ и плачетъ родная больная страна.

Федоръ Львовъ.

МОСКВА.

— Москва, отвѣть на одинъ хотя въ жизни вопросъ: сколько юныхъ головъ, съ плечъ катившихся, видѣла ты, сколько воплей, рыданій и стоновъ глухихъ слышать тебѣ довелось, и зачѣмъ прокляла благородную юность и кровь—золотыя мечты?

— Ты матерью доброй всѣхъ грозныхъ и сильныхъ была, какъ вѣковую святыню свою старину сберегала сѣдую, а мачехой злою всѣхъ слабыхъ и нищихъ гнала, отдавшихъ всю душу стремленьямъ къ добру и жизни молодой.

— Не время-ль тебѣ обернуться на Волгу-рѣку и глядѣть, не смыкая очей, кто тамъ голодный, кто въ грязныхъ лохмотьяхъ стоитъ, кто стонетъ такъ сильно подъ гнетомъ твоихъ палачей—и ждетъ, пока кто-нибудь руку протянетъ и тяжкую долю его облегчить!

— Паразитамъ ты отдала все роковое голодныхъ богатство и вступивши на новый и скользкій прогресса родного тяжелаго путь, ты не видишь, какъ веходить бывое постылое рабство и, какъ бѣдно во мглѣ безпросвѣтной твои младшіе братья живутъ.

В. Горюновъ.

Нужно помолиться...

За Стесселя съ женою, домъ большой купившаго,
 Портъ-Артуръ съ „галошами“ японцамъ уступившаго,
 И по прїѣздѣ въ Россію совсѣмъ обнищавшаго
 И подавня, „яко калики переходящіе“ желавшаго.
 За начальника, любящаго корову саксонскую,
 За Куропаткина, проигравшаго войну русско-японскую,
 И „макаковъ“ едва фуражками не закидавшаго
 И отъ многіе города съ терпѣньемъ отступившаго.
 За грѣхи ихъ тяжкіе и прошлые нужно помолиться.
 * * *
 За Витте, графомъ Полусахалинскимъ назначеннаго,
 И „многія хитролиберальныя“ мыслями охваченнаго,
 Свободы погромныя русскому народу давшаго
 И славу себѣ водкой и рентою стяжавшаго.
 За Дурново, министра дѣлъ отъ болѣзней внутреннихъ,
 Любящаго чужихъ женъ отъ ночныхъ зарей до утреннихъ,
 Съ посольскаго мѣста въ сутки принятаго,
 Охотника къ дѣламъ, не особенно чистымъ, завятаго
 За грѣхи ихъ тяжкіе и прошлые нужно помолиться...
 * * *
 За Трепова Дмитрія, патроновъ и пушекъ любителя,
 Великаго черной сотни вдохновителя,
 Изъ рода жандармскаго происходящаго по второй линіи,
 Увеличившаго до невозможности все „мундиры синіе“,
 За Скалона, Дубасова, генераль-губернаторовъ временныхъ,
 „Славныхъ“ героевъ „многія жизни“ разстрѣленныхъ,
 Въ областѣхъ своихъ „дондеже“ водворившихся
 И кровью „малыя дѣти и старцы“ облившихся...
 За грѣхи ихъ тяжкіе и прошлые нужно помолиться...

За Мина и кларнета Фролова отличившихся
 И подъ крыломъ камарилы вкупѣ пріютившихся,
 За „мудраго“ Орлова, края Прибалтійскаго умирителя
 И вистлицъ „во чистомъ полѣ“ сотнями насадителя.
 За Абрамова, Спиридонову истязавшаго,
 Награды, яко Минъ и подобные пожелавшаго,
 За Оконева, „рестораннаго“ героя преславнаго,
 Шпіона всероссійскаго и тайнаго и явнаго,
 За грѣхи ихъ прошлые и тяжкіе нужно помолиться...

* * *

За Роговича, зятя Каткова, знамениаго,
 И Нейдтгардта Одесскаго, мудреца сановитаго.
 За Азанчевскаго, губернатора азіатскаго,
 За Курлова, вѣрнаго друга отряда босякаго...
 За Слѣпцова, по дѣланьямъ ему подобнаго,
 Прославленнаго въ „дѣлѣ“, въ родѣ погромаго,
 За всѣхъ губернаторовъ въ октябрѣ отличившихся,
 На пагубныя дѣла никогда не скупившихся...
 За грѣхи ихъ прошлые и тяжкіе нужно помолиться..

* * *

За Извольскаго-министра, дипломата отличнаго,
 За Ковалевскаго архи-кавалера столичнаго,
 За Коковцева министра безденежнаго
 И Кауфмана министра „освѣщенія“ нѣжнаго.
 За Булыгина, Думы Россійской организатора,
 Въ коей за два года приготовили три вентилятора.
 За фонъ-Шнапса, а—управителя надъ желѣзнодорожными
 И за всѣхъ, проявившихъ себя безбожными...
 За грѣхи ихъ прошлые и тяжкіе нужно помолиться..

* * *

За Алексѣева, Японскихъ гейшъ любившаго,
 За Гапова, деньги чужія увозившаго.
 За Безобразова, концессионера корейскаго,
 Во сто кратъ худшаго прокурора, судейскаго.

За Бирилева, крикливаго и бутафорскаго,
 За Чухнина, героя-вояки черноморскаго,
 За Клейгельса, университетъ осаждавшаго,
 Нагайки и плети всегда обоготворявшаго.
 За грѣхи ихъ прошлые и тяжкіе нужно помолиться...

* * *

За Сергіева, Іоанна Крошштатскаго, цѣлителя-чудотворнаго,
 И скорохода отъ несчастій и зла быстрого и проворнаго,
 За Порфирію, помощницу жизни его вѣрную
 И во всѣхъ „чудесахъ“ дневныхъ и ночнымъ примѣрную.
 За архіепископа и діакна погромнаго,
 И нѣкоего митрополита злодѣянія огромнаго.
 За всѣ „пастыри и монахи, многіе и прочіе“
 Что къ вину и мясу въ постные дни охочіе.
 За грѣхи ихъ прошлые и тяжкіе нужно помолиться...

* * *

За Суворина-флюгера, хитреца первѣйшаго,
 Издателя „Времени“, направленія „самаго повѣйшаго“,
 За Грингмута Московскаго Карла-Амалію,
 Одну изъ презрѣннѣйшихъ въ мірѣ каналію,
 За Ярмонкина самаго, *можно* сказать гнуснѣйшаго
 И Крушевана, самаго *должно* сказать, подлѣйшаго,
 На дѣвицѣ красивой жениться обѣщавшаго
 И, по „совершеніи онаго“, постыдно удравшаго.
 За грѣхи ихъ прошлые и тяжкіе нужно помолиться...

* * *

И еще разъ за Крушевана, черныхъ сотенъ устроителя
 И „многія“ невинныя жертвы въ погромахъ губителя,
 За Іозефовича, не разъ студентами битаго
 И за Пихно редактора, кровью залитаго.
 За редакторовъ „Натравляющаго вѣстника“
 И подлой газеты кавказскаго намѣстника.
 За редактора оффиціоза новопеченнаго,
 Экипажемъ въ 3600 рублей уже обеспеченнаго.
 За грѣхи ихъ прошлые и тяжкіе нужно помолиться...

Павель Градскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖДЕ.

ТЕПЕРЬ.

„До“ и „Послѣ“.

„Писаки бутербродные,
Невѣжи вы природные,
Что приуныли такъ?
Аль, наконецъ, вы поняли,
Что Русь вы зломъ полонили,
Какъ самый лютой врагъ?
Аль воплю что-ль народному —
Убогому, бездомному —
Вы вняли наконецъ?
Аль съ горя, что собирается,
Въ отставку удаляется
Графъ Витте вашъ отецъ?“

„—Нѣтъ, не того намъ горестно:
Патронъ, сказать намъ совѣстно,
Не помогаетъ намъ...
Умчались дни счастливые,
И всѣ мечты красивыя,

Какъ вихри по полямъ.
Не только бутербродиковъ,
Не только антрекотиковъ, —
И хлѣба — недочетъ.
Газета не расходится,
Читателемъ, какъ водится,
Объявленъ ей бойкотъ“..

* *

„Писаки бутербродные,
Невѣжи вы природные,
Что веселитесь такъ?
Аль Дурново, что держится,
Надъ родиной потѣшится,
Сжимаетъ всѣхъ въ кулакъ?
Аль Нейдтгардту что-ль бравому,
Сенатъ сказалъ, по правому

Въ Одессѣ онъ царилъ.
Что Треповъ за смиреніе,
Врагамъ на поученіе,
Награду получилъ?“

— „Нѣтъ, не того мы счастливы,
Правительство участливо —
Печется все о насъ:
Французы позаботились,
Чтобъ мы не обанкротились —
Весь выдали запасъ.
Теперь и бутербродики
Опять и антрекотики
Скорѣй на столъ давай.
Vivat ты, честь продажная,
Vivat ты, власть бумажная,
Кадетовъ вновь ругай!“

Н. Ларскій.

Родина.

Ты знаешь край, гдѣ льется кровь рѣкою,
Гдѣ ярко все горитъ зловѣщая зари,
Гдѣ съ ненавистью жгучею, больною.
Безумцы жгутъ деревни, хутора,
Гдѣ мать стоитъ съ поникшей головою
Надъ трупомъ дочери, растерзанной топаю...

* * *

Невинныхъ гдѣ по тюрьмамъ рассылаютъ,
Неправый судъ надъ слабыми творятъ,
Шпионы гдѣ и сыщики шныряютъ,
Гдѣ голодъ, мракъ, невѣжество царятъ,
Гдѣ мужики голодные, больные,
Кланутъ и жизнь и годы молодые...

* * *

Но всежъ стремлюсь, душою изнывая,
Къ тебѣ, мой край, гдѣ сердцу тяжело,
Гдѣ бюрократъ, страпою управляя,
Среди народа сѣетъ тьму и зло,
Гдѣ яростно звенятъ въ тюрьмѣ оковы,
Гдѣ нѣтъ свободного, божественнаго слова...

О. Арсеньевъ-Боярский.

Отъ редакціи „ВОДОВОРОТЪ“

Выпуская настоящий номеръ послѣ вынужденнаго перерыва, редакція надѣется, что впредь она въ состояніи будетъ выпускать въ свѣтъ номера болѣе аккуратно.

Литературный и художественный матеріалъ просятъ присылать въ редакцію съ обозначеніемъ условій говоррара, имени, фамилии и адреса автора (исключительно для свѣдѣнія редакціи).

Контора открыта отъ 10 до 1 ч. дня. по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Тамъ же редакторъ принимаетъ по тѣмъ же днямъ отъ 3 до 5 часовъ вечера.

Адресъ для телеграммъ помѣщенный въ 1 и 2 №№ „Водоворотъ“ „С.-Петербургъ—Глянецъ“ просимъ считать **НЕ-ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ**. Всю переписку, касающуюся журнала „Водоворотъ“, просимъ направлять по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ Пушкинская 19 кв. 41, редакція журнала „Водоворотъ“.

Редакторъ-Издатель С. Н. Мендельсонъ.

ПѢСНЬ О ВИТЯЗѢ.

Переди густого лѣса,
гдѣ росли высоко дубы—
крѣпкій гробъ стоялъ вѣ-
ками, весь закованный цѣ-
пями. Гробъ стоялъ все не-
подвижно: темнота вездѣ
царила въ томъ лѣсу, и
солнце рѣдко теплый свѣтъ
свой проливало, освѣщая
лѣсъ суровый.— Но когда
лучъ солнца яркій заиг-
раетъ на верхушкахъ и вѣт-
вахъ высокихъ дубовъ,—
крышка гроба шевелилась,
подымалась, слышно было,
будто кто-то напрягаетъ
свои силы молодая, чтобы
вырваться изъ гроба, чтобы
вырваться на волю, посмо-
трѣть, какъ солнце свѣтитъ,
какъ поютъ, послушать, пти-
цы, шелестятъ какъ листья
нѣжно, какъ ручей жур-
читъ игриво.

Солнце радостно свѣтило... Небеса сіяли счастьемъ... И
надъ лѣсомъ, что нарядно въ свой уборъ одѣлся яркій, тучки
весело всплывали. Волны пѣснь свободѣ пѣли, къ берегамъ
катясь привольнымъ, и ручьи вторили стройно гордой пѣснѣ
волнъ всеильныхъ. Лѣсъ листвою густой, зеленой шелестѣлъ.
Воспрянулъ гордый! Ликовала жизнь природы послѣ долгой
спячки зимней.

Чу!... Вотъ крышка гроба выше подымается, и цѣпи раз-
даются подъ напоромъ чьей-то мощной, грозной силы. Вотъ
она ужъ поднялася, цѣпи съ грохотомъ распались, и изъ гроба
еильный витязь всталъ, держа булатный острый мечъ въ ру-
кахъ и вѣтку мира. Этотъ мечъ тому, кто свѣту не давалъ
проникнуть въ чащу, кто мѣшалъ сіянью солнца, кто ско-
валъ ручьи и волны, кто святую пѣснь свободы заглушалъ,
кто гробъ цѣпями заковалъ, чтобъ витязь русскій спалъ во
мракѣ долго, долго, крѣпкимъ сномъ и непробуднымъ.

«Ты свѣти сильнѣе, солнце, ты, волна, катись быстрѣе,
пѣсня гордая свободы раздавайся все смѣлѣе! Я проснулся,
витязь гордый, я несу густому лѣсу вѣтку мира, чтобы счастье
вновь царило послѣ боя, послѣ битвы грозной, смѣлой!»

Федоръ Львовъ.

Развратъ

Еженедѣльный Художественный Политико-Сатирический Журналъ.

№ 4.

1906 г.
Цѣна 15 к.,
съ пересылкой 20 к.

Легенда.

То не вѣдьмы воютъ въ гнѣвъ,
 Не клокочетъ дико злоба,
 То стучатся кости Плеве
 Въ крышку кованнаго гроба.
 То подъ гулъ российской битвы,
 Въ униссонъ ея раскатамъ,
 Мчатся пламенно молитвы
 Ввысь, къ заоблачнымъ палатамъ:
 „О, внемли, владыка свѣта,
 Гласу павшаго героя,
 Воплю вѣрнаго клеветы
 Поколебленнаго строя.
 Строй российский, строй священный
 Ввергнуть нынѣ въ пропасть ада
 Силой смуты дерзновенной
 Взбунтовавшагося стада.
 И грядущія напасти
 Силой новаго закона
 Не смирить трусливой власти,
 Даже съ помощью патрона...
 Власти, рѣющей надъ бездной,
 Должно *мнѣ* прійти на смѣну,
 Усмирить рукой желѣзной
 Всероссийскую измѣну.
 Надъ крамолою, клянусь я,
 Посмѣемся скоро зло мы,
 Какъ прокатятся надъ Русью
 За погромами—погромы,
 Какъ отъ дерзкаго эс-эра
 До марксистской робкой дѣвы—
 Всѣ почувтъ мощь премьера,
 Всѣ познаютъ руку Плеве.
 И опять волной кровавой
 Обагрятся дни заката,
 Озарится прежней славой
 Имя стараго солдата...
 О, услышь, владыка жизни,
 Старца тяжкія стонанья,
 Дай принести покой отчизнѣ,
 Исцѣлить ея страданья...
 Незвѣданныя муки
 Я терплю, взывая къ небу...
 О, пусти, хоть на поруки,
 Все, что хочешь, все потребуй...!
 Я не въ силахъ снести покою,
 Я российской битвѣ внемлю,
 Сжался, Боже, надо мною,
 Отпусти меня на землю!“...

Вилли.

О ЧЕРТѢ

(Окончаніе). *)

Въ таврическомъ дворцѣ мы отрекомендовались журналистами.

Полицейскій весьма вѣжливо пропустилъ насъ впередъ.

За то председатель бюро печати, извѣстнѣйшій въ мірѣ писатель В. А. Бонди, довольно грубо потребовалъ отъ насъ билетовъ.

Чертъ немедленно придалъ мнѣ видъ родственника г. Бонди, а себѣ удлинилъ немного уши и такимъ образомъ сдѣлался похожимъ на сотрудника „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Г. Бонди немедленно пропустилъ насъ въ ложу журналистовъ.

Шло засѣданіе. По лѣвую сторону председателя сидѣли члены Государственного Совѣта, и на лицахъ ихъ можно было прочесть:

— Хорошо было-бы посѣчь этихъ мужичковъ, что-бы до новыхъ вѣнниковъ не забыли.

По правую сторону сидѣли министры, и на лбу каждаго изъ нихъ было написано одно слово:

— „Мѣдь“.

Сверху-же изъ сенаторской ложи прямо въ лицо председателя вонзилъ свой взглядъ Треповъ.

И этотъ взглядъ точно говорилъ:

— Захочу — проглочу. Захочу — расшибу!

Который изъ нихъ премьеръ? задалъ я себѣ вопросъ, и тутъ-же рѣшилъ:

— Вѣроятно умнѣйшій.

Каково-же было мое удивленіе, когда на трибунѣ я увидѣлъ г. Горемыкина а потомъ услышалъ его рѣчь.

А г. Горемыкинъ картавитъ все и говоритъ, картавитъ и говоритъ.

— Васъ, говоритъ, раньше били скорпіонами, ну, а теперь милость вамъ вышла—будемъ бить только плетями. Раньше васъ обѣими руками душили, да еще колѣномъ животъ придавливали, ну, а теперь вышелъ указъ снять съ живота колѣно.

Слушаю, и лью слезы радости. А Горемыкинъ все продолжаетъ картавить:

— И вамъ, милые крестьянчики, милость вышла. Шесть шкуръ съ васъ содрать, приказано оставить седьмую.

Думаю, вотъ, вотъ, крестьяне, упадутъ на колѣни и начнутъ лобызать Горемыкина.

Вышло однако не то.

Не успѣлъ кончить Горемыкинъ, какъ налѣтѣлъ на него со всѣхъ сторонъ!

Господи, думаю, разорвутъ сейчасъ человѣка.

Кадеты со службы гонятъ премьера. А у него, можетъ быть, жена и дѣти, да маленькія (т. е. дѣти) все, „пишчатъ“, какъ говорить одинъ мужикъ въ какой-то пьесѣ.

Крестьяне тоже говорятъ:

— Идись собѣ, паночку, откуда пришли. Намъ такихъ не треба.

Думаю, вотъ, вотъ выйдетъ Премьеръ и позоветъ семеновцевъ.

Смотрю на Трепова, и чувствую, что вотъ, вотъ онъ крикнетъ „сарынь на кичку“ и появятся „станичники“ въ Думу, и пойдетъ потѣха.

Однако, Горемыкинъ семеновцевъ не позвалъ, а Треповъ молчалъ и только хмурился.

— Теперь уже не будутъ говорить „положеніе хуже губернаторскаго,“—хочетъ рядомъ со мною чертъ. Есть теперь положеніе и похуже.

— Какое-же это положеніе?

— Ну, хотя-бы положеніе министерское въ Государственной Думѣ...

— Что-жъ, говорю, придется теперь уйти министрамъ.

— Не уйдутъ.

— Значитъ, разойдется Дума?

— Не разойдется.

— Чѣмъ-же вся эта исторія кончится?

Чертъ подумалъ и сдѣлавъ серьезное лицо, сказалъ:

— Бываютъ такія вещи, которыя и черту неизвѣстны...

Мы вышли изъ Таврическаго дворца.

Н. Ларскій.

*) См. №№ 1, 2, 3.

Чепуха на злобу дня.

Много разной чепухи
Водится на свѣтѣ,
Знать, за чѣмъ-то мы грѣхи
Быть должны въ отвѣтѣ.
Скачутъ на людяхъ верхомъ
Два Нейдгардта брата;
Любятъ пить Ямайскій ромъ
Старецъ изъ Кронштадта.
Вдѣтъ комендантъ опять
Къ Петербуржцамъ въ гости;
Больно любить онъ глотать
Человѣчьи кости.
Есть у нашихъ балеринъ
Деньги и имѣнья,
Все дастъ талантъ одинъ,
Въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.
Будетъ пиръ у насъ горой,
Винъ прольется море.
Какъ Фельдмаршалъ, нашъ герой,
Явится на горе.
Грустенъ Муромцевъ-борецъ,
Съ нимъ всѣ депутаты;
Въ Царскосельскій ихъ дворецъ
Заперли солдаты.
Витте вылетѣлъ въ трубу
Блѣдный весь отъ страха,
И блеститъ на мѣдномъ лбу
Шутовская бляха.
На землѣ насталъ вновь рай,
Милость миромъ править
Чудотворецъ Николай *)
Фонари всѣмъ ставить.
Намъ намѣстникъ дефицитъ
Разомъ уничтожилъ,
И въ Монако намъ кредитъ
Выгодный устроилъ.
Адмиральская вдова
Чѣмъ ужъ жить не знаетъ,
Ей на черный хлѣбъ едва
Пенсіи хватаетъ.
Лишь слыша пушекъ гулъ.
Свистъ лихой нагайки,
Закричали караулъ
Черныхъ сотенъ шайки.
Полицейскіе тотчасъ
Ихъ въ участокъ взяли,
И свободы всѣ у насъ
Какъ трофей, забрали.

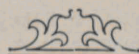
О. Умова.

*) Состоявшій при извѣстнѣй Лже-Богородицѣ Порфиріи.

Экспромтъ.

Могу довѣриться врачу,
Городовому, „патріоту“,
Амали Грингмуту, хоть черту,
Но бюрократу.... не хочу.

Н. А. Ильшевичъ-Свѣтлановъ.

Плачь Правовѣрныхъ.

Сказка не изъ 1001 ночи.

Какъ-то разъ правовѣрные, измученные произволомъ своихъ министровъ, рѣшили жаловаться на нихъ Аллаху и отправились къ нему просить его о помощи...

Депутация была принята у райскихъ воротъ.

Депутаты поклонились Аллаху и изложили свою просьбу. Аллахъ покачалъ головой и сказалъ:

Я не понимаю ни слова изъ того, что вы говорите:

Никогда я не давалъ вамъ министровъ...

Какъ!.. въ изумленіи вскричали депутаты, перебивая другъ друга: вся земля полна министрами!.. Я ничего не знаю сказалъ Аллахъ. — Я сотворилъ васъ всѣхъ равными по своему подобію... Прощайте... Этимъ закончился приемъ депутации.

Но глубоко потрясенные и пораженные депутаты не возвращались на землю, а сѣли у райскихъ воротъ и горько плакали.

Узнавъ объ этомъ, Аллахъ, почувствовалъ состраданіе къ нимъ и велѣлъ снова впустить ихъ къ себѣ.

Позвалъ онъ такъ же райскаго служителя и сказалъ ему: Поищи-ка ты въ книгѣ, въ которой обозначены наказанія, налагаемыя на людей за ихъ грѣхи и скажи мнѣ: нѣтъ ли тамъ чего про министровъ?..

Книга оказалась очень толстою и служитель цѣлый день просматривалъ ее.

Къ вечеру онъ кончилъ и доложилъ, что ничего не нашелъ тамъ о министрахъ. Снова была приглашена депутация и снова сказалъ Аллахъ:

Ничего я не знаю о Министрахъ. И бѣдныя впали въ ужасное уныніе.

Тогда Аллахъ сказалъ райскому служителю:

Посмотри въ книгахъ въ которыя записаны бѣдствія ниспосылаемыя на людей за ихъ глупыя молитвы...

Прочти имъ книги и пусть они убѣдятся, что я никогда не наказывалъ ихъ такою ужасною карой, какъ министры, о которыхъ они говорятъ...

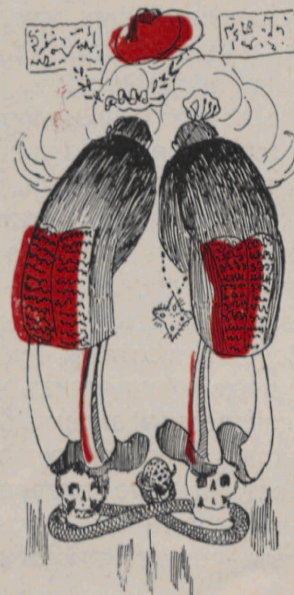
Служитель сдѣлалъ, какъ ему было приказано: онъ прочиталъ двѣнадцать толстыхъ книгъ, и продолжалъ это чтеніе цѣлыхъ двѣнадцать дней...

Но и на этотъ разъ онъ тамъ ничего не нашелъ о министрахъ. И Аллахъ въ послѣдній разъ позвалъ депутацию и сказалъ:

Вы должны воротиться домой съ нерѣшеннымъ дѣломъ. Я ничего не могу сдѣлать для васъ... Вы сами создали себѣ министровъ, а потому возвращайтесь на землю и разбирайтесь въ вашихъ дѣлахъ, какъ знаете.

И горько плача правовѣрные вернулись на землю. Тамъ они начали думать...

Безродный.

Политическія сценки.

I.

Многолюдное собраніе звѣздной палаты, сильно представлено цвѣтъ реакціонеровъ разныхъ министерскихъ эпохъ. Настроеніе палаты тревожное и неуверенное, ввиду единодушія оппозиціонной Государственной Думы, но всѣ дышатъ злобой и ненавистью къ новорожденному народному представительству. Въ тоже время страхъ передъ послѣдствіями мѣшаетъ немедленному объявленію войны Думѣ. Чтобы придать собранію больше бодрости и побудить ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, вдохновители реакціи приглашаютъ къ мѣсту собранія представителей рептильной журналистики во главѣ со старцемъ Чегоизволинскимъ, вмѣстѣ съ его молодцами, и черносотенныя организациі дубровинцевъ, варваринцевъ, русскаго собранія и проч. Площадь наполняется толпами личностей, большая часть которыхъ по всѣмъ признакамъ принадлежитъ къ категоріи ломброзовскихъ типовъ, имѣвшихъ уже не разъ жестокіе конфликты съ судебными учрежденіями по самымъ разнообразнымъ статьямъ уголовныхъ законовъ. Вообще, составъ публики представляетъ людей, издавшихъ всякіе виды.

Этотъ благородный ансамбль нарушаетъ только группа малосознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, не издавшихъ никакихъ видовъ, кромѣ окриковъ и зуботычинъ отцовъ—начальниковъ и по мило-

сти послѣднихъ попавшихъ на сей экстренный раутъ. Въ толпѣ движутся корифеи черносотенныхъ бандъ, не мало творцовъ и вдохновителей погромныхъ дѣлъ, кровавыхъ банъ и ауто-да-фе?

Къ моменту появленія этого иррегулярнаго воинства плуто-бюрократическаго строя весьма многіе старцы звѣздной палаты отъ чрезмѣрнаго напряженія своихъ умственныхъ неспособностей и душевнаго волненія впадаютъ въ сладкую дремоту.

Слышно сопѣнье и генеральскій храпъ. По данному знаку газетные рептиліи выступаютъ впередъ во главѣ съ Чегоизволинскимъ. Послѣдній держитъ дирижерскую палочку. Обратившись къ хору, онъ беретъ изъ рукъ своего ближайшаго молодца Іудушки камертонъ и слегка ударяетъ имъ по головѣ Іудушку. Получается антимузыкальный тонъ, напоминающій какофонію разстроенной балалайки съ докучливымъ шумомъ колеса водяной мельницы. Чегоизволинскій остается доволенъ и, подобострастно поклонившись въ сторону сонной палаты, (съ увлеченіемъ машетъ палочкой). ХОРЪ поетъ.

Честь, хвала отцамъ народа,
Благодѣтелямъ страны!
Сколь возвышенна природа
Ихъ, какія глубины
Скрыты въ мудрыхъ ихъ рѣшеняхъ!
Зри же, смертный, и дивись:
Въ неустанныхъ попеченьяхъ
О тебѣ, здѣсь собрались
Всѣ отцы, но утомленые
Отъ безъ численныхъ трудовъ
Велико, о, Провидѣнье,
Даруй часть имъ сладкихъ сновъ!
Мы-жъ, на благодать уповая,
Долгу внемля, будемъ бдѣть
И, субсидьи предвкушая,
Диеирамбы дружно пѣть.

По окончаніи пѣнія, Чегоизволинскій хочетъ объявить хору слѣдующій номеръ „славословія“, но предварительно потягиваетъ носомъ воздухъ. Въ воздухѣ пахнетъ враждой и угрозой по адресу Государственной Думы. Онъ немедленно опускаетъ камертонъ на голову Іудушки. Слышится тонъ скрежещущій, палочка приходитъ въ движеніе, хоръ поетъ.

Издали пѣніе походить на старательный лай вѣрнаго хозяйскаго Трезора, почувшаго вторженіе подозрительныхъ людей во владѣнія своего господина.

Какъ вредны, преступны мнѣнья,
Тѣхъ, кто буйной черни другъ!
Угождая ей, въ забвенье

Долга впасть тотъ можетъ вдругъ,
И предъ родиной любезной
Тяжко можетъ согрѣшить...
Боже, власти духъ желѣзный
Дай, чтобы Думу отрезвить!
Чтобы зря она не тщила
Въ руки все свои забрать,
Но смиренно бы стремилась
Власти твердой угождать....

Въ концѣ пѣнія многіе старцы начинаютъ просыпаться. Слова: „Дума“, „власть“, „забрать“, производятъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ впечатлѣніе испуга и съ сонныя имъ кажется, что Думцы уже явились и протягиваютъ руку, чтобы отобрать у старцевъ власть. Но есть и легкомысленные старцы, для которыхъ пріятности власти нисколько не мѣшаютъ больше думать и говорить о пріятностяхъ жизни.

1-ый старецъ.

Какъ? власть законную забрать отъ насъ?
Да кто они? Все хамы.. вонъ ихъ, вонъ!

2-ой старецъ.

Чтожъ, иль штыковъ, патроновъ весь запасъ
Изякъ? Я предлагаю ихъ разгонъ!

3-й старецъ (второму).

Ахъ, не волнуйтесь, другъ, здоровью вредъ
Лишь оттого, разгонитъ ихъ, вотъ, онъ *(указываетъ на Лауница)*.

И скажетъ, по какой статьѣ; а намъ впередъ
Нѣтъ нужды выступать. *(Сладко зѣвая)* А славный сонъ

Я видѣлъ: объявилъ большой я шлемъ.... *(продолжаетъ, его охотно слушаютъ)*.

4-ый старецъ.

А балеринку мы по всѣмъ статьямъ
Разсматривали будто съ нимъ вдвоемъ *(указываетъ на сосѣда)*.

Изъ ряда перваго.... ну, свѣжій персикъ впрямь!
(Шепчетъ что-то сосѣду на ухо, оба хихикаютъ старческимъ смѣхомъ).

5-ый старецъ (сановнику высокаго роста).

Скажите, графъ, я не могу понять
Зачѣмъ пришла толпа, чего здѣсь ждетъ...

Сановникъ высокаго роста (иронически).

А видите-ль: ей нужно дать....

(Обращается къ чиновнику особыхъ порученій и, указывая на рептилій, говоритъ ему).

Подайте.... тѣмъ на бутербродъ,
А этимъ объявленій пукъ
Казенныхъ, пусть пошире ротъ
Раскроютъ, чтобъ на весь округъ
Ихъ было слышно.....

Сановникъ съ дурной фамиліей.

А не то...
Пусть помнятъ всѣ, что заслужить
Вниманіе власти разъ такъ сто
Долгъ каждаго, кто хочетъ жить.

Рептиліи получаютъ мзду, низко кланяются, касаясь рукой земли. Ихъ хоръ поетъ.

Новой щедрости, вельможи,
Вы явили намъ примѣръ!
Благо гражданъ вамъ дороже
Своего, превыше мѣръ
Чутки вы къ ихъ пожеланьямъ...
Благодарный вашъ народъ,
Помня счетъ благодѣяньямъ,
Съ радостью за васъ поетъ.

Еще разъ подобострастно кланяются до земли и уходятъ въ толпу. Черносотенцы, украшенные значками съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, двухглаваго орла и др., выступаютъ впередъ. Во главѣ ихъ Крушеванъ, Дубровинъ. Никольскій, Пуришкевичъ и много другихъ „славныхъ“. Всѣ они дирижируютъ разомъ. Хоръ поетъ.

Становись народъ расейскій,
Грудью край свой защищать
Отъ наемниковъ еврейскихъ,
Уничтожь ихъ злую рать!

Во время пѣнія этого куплета мимо собранія проходитъ толпа сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, пользуется паузой и поетъ (иронически).

Вспомни, какъ въ бывшее время
Ты являлъ святую мощь,
Хоть и несъ такое жъ бремя,
Былъ, какъ нынѣ, нищъ и тощъ...

Хоръ черносотенцевъ.

Все крича о лучшемъ строѣ,
Намъ интеллигенты лгутъ,
И на дѣлѣ все святое
Басурманамъ продаютъ,
Отъ російскаго чтобъ царства
Не осталось ни слѣда,
Иностранцевъ государства
Будутъ на Руси тогда...
Въ басурманскую насъ вѣру

Безпощадно обратятъ,
Иль пошлютъ на насъ холеру,
А жида насъ дождятъ...

Хоръ сознательныхъ (иронически.)

Такъ давайтежъ, росіянне,
Строй старинный защищать!
Бьемъ челомъ мы вамъ, дворяне!
Твердой власти исполать!
Насъ какъ прежде опекайте,
Если нужно розогъ, дать—
По отечески стегайте,
Намъ къ тому не привыкать.
И въ холодной мы съ охотой,
Коли нужно, посидимъ;
И уважимъ васъ работой
И смиреньемъ удивимъ...
А землею мы довольны:
Три аршина для души
Хватитъ, коль не тѣшитъ больно
Брюхо, только распаши,
Унавожь ихъ потомъ, кровью,
Урожай съ спорыньей ѣшь;
Да не вѣрь, что вредъ здоровью,
И безъ спорыньи умрешь! (Уходятъ со сцены).

Хоръ черносотенцевъ.

Становись же родъ расейскій
Мать—Росію защищать
Отъ наемниковъ еврейскихъ
Уничтожь ихъ злую рать!
Бей ихъ, жги, руби какъ щепки!
Бей кадетовъ, бей жидовъ!
Дай эсъ-декамъ русской трепки,
Выпусти эсъ—эрамъ кровь!
Ихъ злодѣйскими дѣлами
Вся полна земная твердь...
Въ Бога вѣрить кто, тотъ съ нами!
Смерть врагамъ Россіи! Смерть!

Дикіе вопли черносотенцевъ еще долго потрясаютъ воздухъ. Но вотъ вдали слышится какой-то, сначала неопредѣленный, шумъ, какъ бы отъ безчисленнаго множества голосовъ. Затѣмъ все явственнѣе доносится кликъ: „земли и воли“. Чувствуется, что приближается что-то могуче-стихійное, неудержимое въ своемъ стремленіи. Къ мѣсту сборища быстро подходитъ Родичевъ. Лицо его глубоко—серьезно, на лбу у него гнѣвная складка. Онъ становится лицомъ къ звѣздной палатѣ и медленно, словно взвѣшивая каждое слово, произноситъ рѣчь.

Вамъ сказать я пришелъ, посѣдѣлый борецъ
За права и свободу народа:
Что настала вашей власти позорной конецъ,
И нѣтъ вамъ иного исхода;
Или сами уйдите отъ власти скорѣй,
Сохранивъ себѣ жизнь дорогую,
Иль готовьтесь къ борьбѣ безъ надежды, что въ ней

Голову сохраните живую.
Вижу, страхъ васъ объялъ, вы глядите туда,
Гдѣ шумятъ голоса, словно море,
Не ошиблись на этотъ вы разъ, господа,—
Шумъ несетъ вамъ великое горе.
Горе вамъ, что когда только стоны неслись,
Надъ страданьемъ вы лишь издѣвались!
Горе вамъ, что вы властью бѣзъ мѣръ упились
Горе вамъ, что вы гнѣва дождались!
Словно свѣточъ небесъ засіялъ на землѣ.
Дума всѣми одна овладѣла
Грудь всѣмъ грѣетъ она и всѣмъ свѣтитъ во мглѣ
И твердитъ всѣмъ настойчиво, смѣло,
Что свобода нужна, что весь жизни смыслъ въ ней,
Да, свобода во что бы ни стало!
Дальше ждать и страдать отъ тупыхъ палачей
Ужъ народное сердце устало.
Чу! желѣзо звенитъ! Это лязгъ отъ оковъ;
Рвутъ на части ихъ мощныя руки;
Запеклася на ковахъ народная кровь,
Ржой покрыли ихъ слезы и муки...
Эти горы цѣпей вамъ народъ принесетъ,
Бросить къ зашпигованнымъ ногамъ дерзновенно
Къ тюрьмамъ, висѣлицамъ васъ лицомъ повернетъ
Слово молвить свое вдохновенно!
Вотъ всѣ ваши дѣла! Какъ враги на войнѣ,
Вы казнить лишь и мучить сумѣли!
Власть священна, пока она служитъ странѣ,
Но вы этого знать не хотѣли...
Горделиво, какъ боги, на смертныхъ косясь,
Вы законы для насъ издавали,
Гдѣ надъ правомъ и правдой безстыдно глумясь,
Вмѣсто хлѣба намъ камень давали.
И пока мы все вѣрили вашимъ словамъ,
Вы какъ тати, добро расхищали,
Мы жъ рубли трудовые на подати вамъ
Отдавая, глубоко нищали.
Насъ во мракѣ держали вы, страшень вамъ свѣтъ,
Мысль и душу вы въ насъ угнетали,
Горе было тому, кто благой намъ совѣтъ
Подавалъ: вы того убивали!
Но все тщетно, прозрѣли мы, не усыпить
Новой ложью вамъ мысли народной...
Мы не съ просьбой пришли, мы пришли, васъ
судить!

Встаньте, судить народъ васъ свободный!
(Окончаніе см. 8-я страница).

Прежде.

По преданію, городъ Гамельнъ, входившій въ составъ Ганзейскихъ городовъ, въ 1284 году подвергся нашествію несмѣтныхъ полчищъ крысъ и мышей. Всѣ мѣры, принятыя магистратомъ, оказались тщетными для избавленія отъ непрошенныхъ гостей. Наконецъ явился странствующій музыкантъ, который взялся за условленное вознагражденіе избавить городъ отъ этой своеобразной казни. Моментъ удаленія крысъ изъ города и представленъ на нашемъ рисункѣ.

Теперь.

На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ моментовъ засѣданія 13-го мая въ Государственной Думѣ.

Родичевъ уходитъ. Группа малосознательныхъ стоитъ сначала неподвижно, какъ бы пораженная внезапной мыслью, затѣмъ быстро удаляется по направленію великаго шума. Остаются камарилья, крѣпостники, рептиліи и прочая наемная челядь. На горизонтѣ сверкаетъ молнія, слышны раскаты грома. Внезапный вихрь поднимаетъ тучи пыли, которая образуетъ непроницаемое, облако вокругъ всего соборища звѣздной палаты. Оттуда доносится злобное шипѣніе встревоженныхъ гадовъ.

Скинь.

Что есть истина и гдѣ она?

- Крестьяне: Истина есть то, чего мы еще не терпѣли.
- Купцы: Истина есть то, чего мы не потерпимъ.
- Духовные: Истина есть то, за что мы когда-то потерпѣли.
- Будущіе Граждане: Истина есть то, чего нельзя спрятать.
- Правительство: Истина есть то, что какъ разъ мы прячемъ.
- Борцы: Истина есть то, за что насъ прячутъ.
- Дѣльцы: Истина есть то, за что мы сами прячемся.
- Философы: Истина есть то, къ чему мы стремимся.
- Юристы: Истина между орломъ и рѣшеткой.
- Астрономы: Истина на безконечно—большомъ разстояніи отъ насъ и потому она намъ не видна.
- Механики: Истина есть то, что не имѣетъ нигдѣ точки опоры, и потому на нее трудно опереться.
- Физики: Истина есть тѣло столь твердое что никакъ ее не раскусишь.
- Химики: Истина есть тѣло, нигдѣ не имѣющее вѣса, и потому она для насъ неуловима.
- Воздухоплаватели: Истина тамъ, гдѣ возможны свободные полеты.
- Математики: Истина есть величина несоизмѣримая и потому находится путемъ приближенія къ ней.

Замѣтка. „Русское Государство“ дождалось давно заслуженнаго... Периодическая печать съ прискорбіемъ извѣщаетъ любителей юмористики, что „беллетристическая дѣятельность этого веселаго изданія, по распоряженію его вдохновителей—отмѣняется.

—Н.

Иванъ

(сказка).

I.

Въ неизвѣстномъ государствѣ,
Можетъ въ княжествѣ аль въ царствѣ,
Гдѣ изъ года въ годъ туманъ,
Проживалъ себѣ Иванъ.
Какъ-то шелъ онъ по дорогѣ
Уплатить казнѣ налоги,
И начальство упрямое
Недоимку погасить.
Онъ шагаетъ смѣло, бойко...
Вдругъ летитъ навстрѣчу тройка;
Въ ней исправникъ въ орденѣхъ
И кричитъ ему въ сердцахъ:
— „Это что еще за мода
Уклоняться отъ похода?...
Аль не чуялъ молодецъ,
Что стригутъ насъ, какъ овецъ?
Надвигаются макаки
Мы назадъ полземъ, какъ раки.
Мигомъ, Ванька, выручай
И награду получай.
Мы тебѣ скостимъ налоги,
А не то—сгниешь въ острогѣ!
Поднесемъ тебѣ деньжатъ,
А не то—смотри-ка, братъ!
Ну, равняйся! Лѣвой, правой!
Маршъ! Назадъ приди со славой...
Экій шутъ, просто срамъ!..
Руки гдѣ твои?.. По швамъ!..

II.

Вотъ Ванюха ногъ не слышитъ,
Еле видитъ, еле дышитъ,
Дотащился кое-какъ
До воинственныхъ макакъ.
Земляки—знай отдыхаютъ,
Пѣнный кубокъ распиваютъ;
Истомленные сердца
Ждутъ Ивана-молодца.
Тотъ смѣкаетъ: „Плохо дѣло...
Рано пѣсни птичка пѣла“,
И пошелъ онъ по рядамъ
Барабанить *трамъ-тарамъ*.
„Гдѣ-же наши провіанты?“
— „Доѣдаютъ интенданты“.
„Сапоги-то ваши гдѣ?“
— „Посносились... быть бѣдѣ!“
„Ну а гдѣ-же командиры?“
— „Съ горя штопаютъ мундиры“.
„А макаки—ждутъ да ждутъ,
Не дерутся?.. Что за шуты!“
— „Говорятъ, что мы и сами
Отдадимся имъ съ руками“.

Тутъ не выдержалъ Иванъ,
Поглазѣлъ на вражій станъ,
Трижды онъ перекрестился,
Вправо, влѣво поклонился,
Пошепталъ: „За нами Богъ!“
И со всѣхъ пустился ногъ.

III.

А исправникъ ждалъ въ деревнѣ,
Какъ паша турецкій въ Плевнѣ,
Расправлялъ свои усы,
Любовался на часы,
Съ мужиковъ взималъ налоги,
Глядь—Ванюха на порогѣ,—
Блѣдный, тощій, чуть живой,
Съ непокрытой головой.
— „Это что еще за мода
Отлучаться изъ похода!..
На Ивана закричалъ,
Каблуками застучалъ.
Тотъ въ отвѣтъ: „Не вру, ей-богу!
Ну-ка самъ ступай въ дорогу!
Изъ макаковской земли
Уводить полки вели,
А не то увязнутъ ноги,—
Будешь самъ платить налоги“...
И ушелъ Иванъ домой
Жить попрежнему съ женой.
Вотъ исправники сходились,
Обсуждали и ершились,
Наложили новый сборъ
На Ивановскій заборъ.
Порѣшили—командиру
Дать по свѣжему мундиру
И, на память о войнѣ,
Чтобъ утѣшиться вполнѣ,
Съ облегченьемъ приказали
Выбить разные медали.

Вукъ.

Товарищу.

Прощай нашъ товарищъ! ты честно служилъ

Забитому горемъ народу,
Ты смѣло неправду, пороки клеймилъ,
Ты грудью стоялъ за свободу.
Враги—палачи не взлюбили тебя
И въ ссылку тебя отправляютъ
На сѣверъ холодный, гдѣ вѣтры шумятъ,
Гдѣ жалобно вьюги рыдаютъ;
Но, милый товарищъ, не падай душой!
Вѣрь твердо въ народное дѣло,
Ужъ близокъ тотъ часъ, когда плотной
стѣной

Поднимутся мстители смѣло.
Погибнетъ неправда, падутъ палачи,
Настанетъ день счастья и мира!
И яркаго солнца златые лучи
Низвергнутъ неволи кумиры.
Прощай-же товарищъ, путь добрый тебѣ!
Завѣтовъ твоихъ не забудемъ,
И силою свѣта въ неравной борьбѣ
Мы счастье народу добудемъ.

(Товарищъ.)

ПЕРВАЯ ЗАСЛУГА.

Связавши свои чемоданы,
Премьеръ поспѣшилъ изъ дворца,
Гдѣ царскіе кушалъ фазаны
Хваля за щедроты Творца.
Его увлеченный примѣромъ,
Министръ нашихъ внутреннихъ дѣлъ,
Тотчасъ же за милымъ премьеромъ
Въ отставку уйти захотѣлъ.
Акимовъ за нимъ сковырнулся
(Безъ зятя какъ можно служить?)
И весь кабинетъ встрепелъ.
Не зная какъ съ Думою быть,—
Боясь, что ихъ пѣсенка спѣта,
И что пресловутый „ка-детъ“
Потребуетъ грозно отвѣта,
Коль Думу поддержитъ Совѣтъ.
Хоть будущность наша угрюма,
Хоть много таится въ ней зла,
Хвала тебѣ, юная Дума
Что коршуновъ ты согнала.

Блуждающій Огонекъ.

Наплюй на это дѣло.

Давно Россія подъ ярмомъ
Неволи изнывала,
И силы всѣ въ борьбѣ со зломъ
И горемъ надрывала.
Вдругъ обѣщаніемъ „Свободы“
Въ ней пробудили грезы,
И думалъ Русскій весь народъ,
Что лить не будетъ слезы.
О жизни новой, золотой,
Коль сталъ ты думать смѣло,
Ты увлеченъ лишь былъ мечтой,
Наплюй на это дѣло!

Пошли всѣ радостной толпой
И пѣсни гордо пѣли,
Но закипѣлъ жестокий бой,
И пули засвистѣли...
То былъ свободы первый день,
Всѣ разошлись съ тоскою,
И вновь легла печали тѣнь
Надъ горестной страной.
Надежда, не успѣвъ расцвѣсть,
На долго улетѣла;
Коль мыслилъ ты, что правда есть,
Наплюй на это дѣло!..

Пошелъ репрессій грозныхъ рядъ,
Свершались всюду казни,
Реакціи кровавой ядъ
Исполнилъ всѣхъ боязни...
За что въ темницы безъ конца
Сажали дочь, и сына,
И престарѣлаго отца,
Невѣдома причина...
Страдала тяжело ихъ душа,
Порой страдало тѣло,
Коль жизнь, ты думалъ, хороша,
Наплюй на это дѣло!

Въ пріязни вѣчной поклялись
Давно ужъ намъ французы,
И съ той поры всегда велись
Межъ нами дружбы узы.
На пулеметы для друзей
Они кредитъ открыли,
И мѣрой дружеской своей
Міръ цѣлый удивили.
Тамъ вѣрно дружбѣ мѣста нѣтъ,
Гдѣ алчность одолѣла,
Коль вѣрилъ ты, что честенъ свѣтъ,
Наплюй на этой дѣло!

Насталъ теперь желанный часъ,
И жаждутъ всѣ реформы,
Но Дума собралась у насъ
Повѣрь, лишь для проформы.

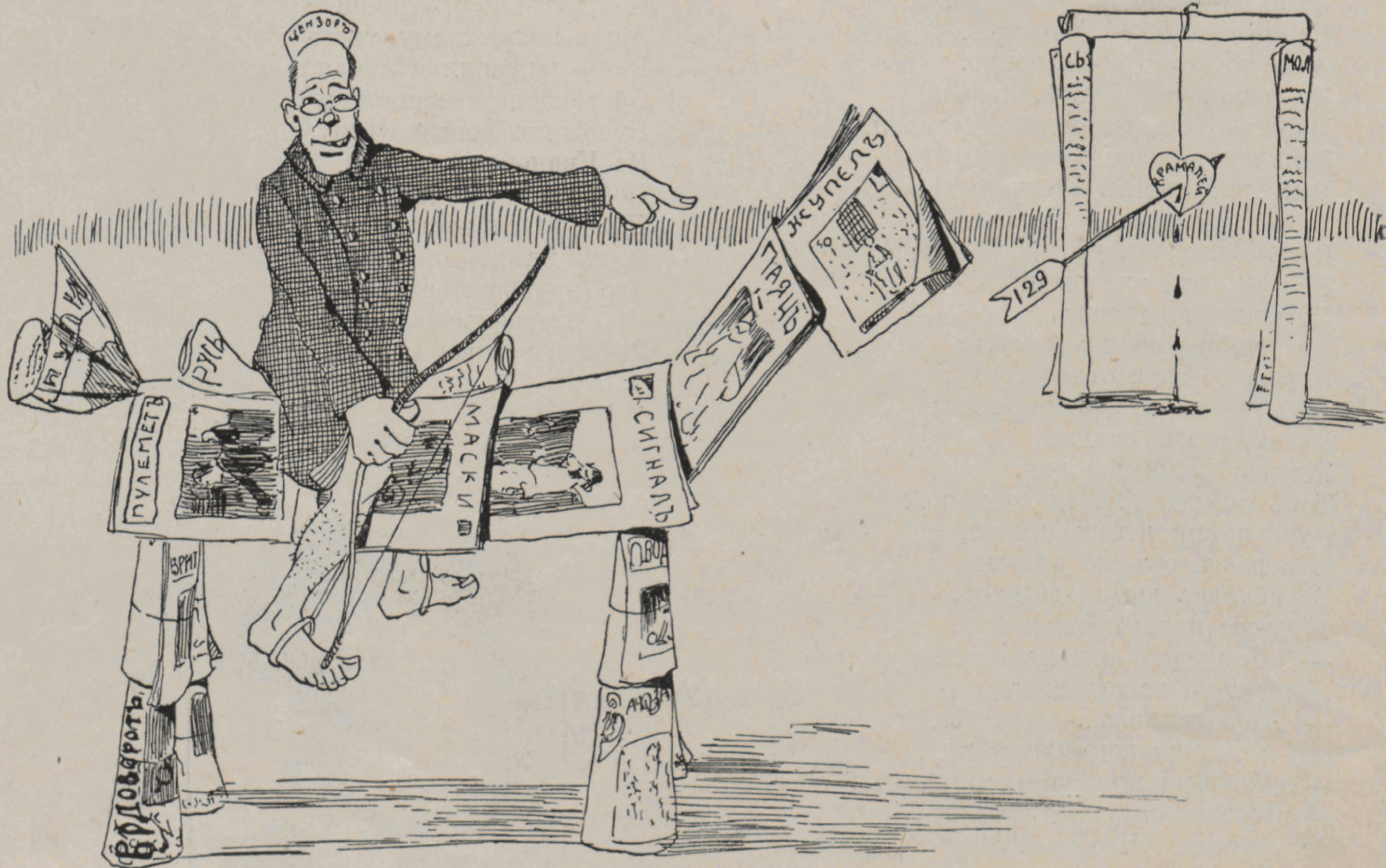
Законовъ основныхъ опять
Объявленъ рядъ не даромъ,
И повернется все то вспять
Къ чему стремимся съ жаромъ.
Не сдѣлать Думѣ никогда
Чего-бъ она хотѣла,
Вѣрь, не прошла еще бѣда,
Наплюй на это дѣло!

Хоть депутаты изъ крестьянъ,
Хотя вездѣ *ка-де-ты*,
И возмѣщаетъ намъ ихъ планъ
Счастливые обѣты...
Хотя премьеръ нашъ оттого
Ушелъ уже въ отставку,
Хотя за нимъ и Дурново
Закрывъ на время лавку,
Повѣрь, лишь для отвода глазъ,
Они хитрятъ умѣло,
И вновь воротятся какъ разъ,
Наплюй на это дѣло!

Демократка.

Изъ посвященій Дубасову.

Выхожу одинъ я на дорогу.
Сквозь туманъ граненный штыкъ бле-
ститъ;
Ночь тиха... Но гдѣ-то бьютъ тревогу,
И драгунъ съ драгуномъ говоритъ.
Въ полутьмѣ и страшно и безлюдно...
Спитъ Москва въ молчаньи гробовомъ...
Что-же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду-ль чего, жалѣю-ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ власти ничего я,
Хоть не жалъ патроновъ мнѣ ничуть;
Ордена гнетутъ меня;—покою
Я хочу, чтобъ навсегда заснуть.
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,—
Я-бъ хотѣлъ заснуть навѣки такъ,
Въ именитомъ склепѣ чтобъ громилы
Обучались мудростямъ атакъ;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ
лаская,
Про Москву мнѣ звучный голосъ пѣлъ;
Чтобъ надъ гробомъ грузно нависая,
Пулеметъ склонялся и гремѣлъ...
— Ы! —

КОНТРАСТЫ.

Что съ французомъ насъ свело
Право непонятно:
Но у насъ, имъ какъ на зло,
Все идетъ обратно.

Ихъ народъ—передовой,
А у насъ—отсталый;
Вѣжливы ихъ городовою,
А у насъ—онъ шалый.

Броненосцы тамъ оплотъ
Отъ враговъ имъ въ морѣ,
А у насъ несчастный флотъ
Въ бой вступилъ на горе.
Маршалъ ихъ ведетъ на бой.
Прямо въ пылъ сраженья,
Генералъ нашъ предъ борьбой
Лишь сулитъ терпѣнье.

Коль хранить Богъ ихъ страну,
Всѣ сердечно рады,
А у насъ набюютъ мощну
Только казнокрады.

Если въ „Фарсъ“ у нихъ пойдешь,
Соли въ немъ не мало,
Ну, а въ нашемъ ты найдешь
Только много сала.

Чисто ихъ одѣтъ пейзажъ
Есть тамъ всюду школы,
А у насъ среди крестьянъ
Всѣ темны и голы.

Если выпьешь ихъ вино,
Только кровь играетъ,
А сивуха всѣхъ давно
Лишь на зло толкаетъ.

У французовъ тѣшишь взоръ
Ты въ лихомъ канканѣ,
А у насъ съ издавнихъ поръ
Ты заснешь въ шантанѣ.

Лучше всѣхъ въ Европѣ странъ
Жить тамъ фабриканту,
А въ Россіи лишь изьянъ
Вѣчно коммерсанту.

Цѣнять всѣ французы честь,
Наша—вѣкъ хромала,
У французовъ деньги ссть,
А у насъ—ихъ мало.

Но теперь, намъ давъ кредитъ,
Франція споткнулась,
Знать въ ней нынче совѣсть спитъ,
Наша же—проснулась.

О. Умова.

Водоворотъ.

Баллада.

Когда укрылся я, угрюмъ,
Подъ сѣнью каменнаго грота,—
Ко мнѣ глухой домчался шумъ,
Великій шумъ водоворота.
Я взгромоздился на скалу
И вдаль, гдѣ волны пѣли хоромъ,
Взглянулъ, пронизывая взоромъ
Насторожившуюся мглу.
Былъ вечеръ бурю грозящій;
Какъ привидѣнья,—корабли
Тянулись медленно въ дали,
Отцвѣтшимъ пурпуромъ горящей.—
Подъ сѣнью бронзовыхъ сѣкиръ
Темнѣли бурые тараны;
Съ дружиной правилъ буйный пиръ
Король разгнѣванный и пьяный.
Съ тоской, ужалившею грудь,
Я слушалъ на скалѣ пустынной.
...Король съ могучею дружиной
Къ странѣ возставшей держитъ путь.
...Мы къ берегу причалимъ вскорѣ,
Звеня сѣкирами; борьбу
Начнемъ съ дерзающими;—горе
Заговорившему рабу!...

И надъ рокошующей пучиною
Вдругъ смолкла пѣсня: тяжкій стонъ
Прервалъ ее: король съ дружиной
Своей былъ въ море погруженъ!
О, чудеса водоворота,
О, тайны призрачнаго дна
И бездны лживая дремота!—
Страна прибрежная—вольна.
Борцы спѣшатъ покинуть горы;—
На взморьѣ бурномъ—веселѣй:
Тамъ жгутъ сердца и тѣшатъ взоры
Обломки старыхъ кораблей...

— Ы. —

Молитва пролетарія.

О, Боже правый! умоляютъ
Тебя несчастные рабы
И дерзновенно возсылаютъ
Къ Тебѣ смиренныя мольбы:
Услыши нынѣ гласъ печальный,
Своимъ крыломъ насъ осени,
И всѣхъ въ странѣ многострадалной
Отъ братской распри сохрани!
Смягчи сердца людей великихъ,
Всели въ нихъ жалость и любовь,
И пусть впередъ въ сраженьяхъ дикихъ

Не лется наша больше кровь...
По всей странѣ Россійской—битвы
И возмущенья прекрати,
И наши грѣшныя молитвы
Къ престолу мира допусти!
Уйми народныя проклятья,
Властей жестокой произволь,
И пусть живутъ все, словно братья,
Не зная скорби и крамолъ.
Убавь страданій нашихъ мѣру,
Пошли насилію конецъ,
Вдохни намъ въ душу снова вѣру,
Господь Всесильный и Отецъ!
Мы истомились, мы голодны,
Отъ истощенья дѣти мрутъ
И не прокормить насъ безплодный,
Но, не по силамъ, тяжкій трудъ.
Пошли же намъ ты счастья долю,
Отъ злой невзгоды дай вздохнуть,
И нго горькое неволи
Съ усталыхъ нашихъ плечъ стряхнуть!

О. Умова.

Плачь А. С. Суворина.

Градоначальникъ вос-
претилъ печатанье брач-
ныхъ объявленій въ га-
зетѣ «Новое Время».

Изъ газетъ.

На простынѣ „Время“
Склоня чело,
Суворинъ папа
Скорбитъ зело...
Скорбитъ рыдая:
„Дѣла какія...
Прости „синицы“ *)
И золотыя...
Прощай серебрянныхъ
Пріятный звонъ...
Вотъ „охраны“
Суровъ законъ.

Вѣдь поднялась же
У нихъ рука
Отнять кусочекъ
У старика...

Замѣнить кто же
Столбецъ свободный,
Такой пикантный,
Такой доходный,
Веселыхъ „адски“
Моихъ сударокъ.

Онъ спитъ, и видитъ
Толпу.... кухарокъ.

Куликъ.

*) Пятирублевая бумажка.

Отъ редакціи.

Рукописи по усмотрѣнію редакціи подлежатъ измѣненіямъ, и сокращеніямъ. Рукописи должны быть написаны вполне четко и на одной сторонѣ листа. Непринятые статьи **не возвращаются** и редакція въ переписку и переговоры о нихъ не входитъ.

Контора журнала „Водоворотъ“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 10 час. утра до 6 час. вечера. Редакторъ принимаетъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ отъ 5 1/2 ч. до 7 1/2 час. вечера.

Вся безъ исключенія корреспонденція должна направляться исключительно по адресу. Спб. Пушкинская, 19.

Редакторъ-Издатель С. Н. Мендельсонъ.

ДК 262
.R9

Разворотъ

Художественный Политико-Сатирический Журналъ.

№ 5.

1906 г.
Цѣна 15 к.,
съ пересылкой 20 к.

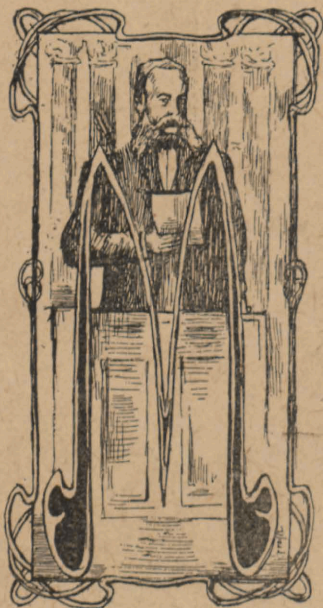

Политическія сценки.

II.

Залъ засѣданія Государственной Думы. Члены Думы и министры въ полномъ сборѣ. Премьеръ всходитъ на трибуну. У него тонъ и манеры великосвѣтскаго дэнди. Съ видомъ снисходительности и безкопечнаго превосходства онъ начинаетъ говорить.

Премьеръ.

essieurs! Порядокъ и законность
Я ставлю во главѣ всего;
Я къ нимъ всегда питаю склонность
Въ дни министерства своего.
Другое дѣло быть свободнымъ!
Тогда и я поговорить
Умѣю съ пыломъ благороднымъ.
Что надо удовлетворить
Народа нужды, дать всѣмъ право,
Реформы привести къ концу,
Но, ахъ, подобная забава
Мнѣ, какъ премьеру, не къ лицу!...
И такъ, *порядокъ и законность*—
Моя основа, господа,
На ней мы всю многосторонность
Построимъ нашего труда.
Теперь приступимъ къ рассмотренію
Того, что адресъ вашъ гласить:

Замѣчу вскользь, что, къ сожалѣнію,
Онъ *краснотой* большой грѣшитъ...
Начнемъ съ *амнистїи*... отчасти
Не понимаю васъ здѣсь я:
Она—прерогатива власти.
И вамъ нѣтъ дѣла до нея!
Затѣмъ, о *выборахъ всеобщихъ*...
Ну, что вы можете тутъ знать?
Прямыхъ и тайныхъ, равныхъ, общихъ
Нигдѣ на свѣтѣ не сыскать.
Вамъ нужно прежде потрудиться,
Потомъ о нихъ поговоримъ...
Но дальше... ахъ, здѣсь разозлиться,
Вѣдь, можетъ даже херувимъ!
Стѣны казней, положеній
Военныхъ, прочихъ твердыхъ мѣръ,
Во дни преступныхъ покушеній
Желать лишь можетъ лицемѣръ...
Вотъ дайте срокъ намъ перевѣшать
Всѣхъ подрывателей основъ
И я же первый васъ потѣшить
Отмѣной строгостей готовъ.
А вотъ еще... да гдѣ-жъ вашъ разумъ?
Вы требуете, не смутясь,
Чтобъ всѣ *министры*, врозь иль разомъ
Предъ вами въ струнку становясь,
Во всемъ отчетъ давали точный.
Такъ знайте же: законъ гласить

О думѣ, что не полномочены
Вы разсуждать о семъ, на видъ
Я это ставлю вамъ... Но Боже,
Алармный поднять какъ вопросъ!
Вотъ ужъ совсѣмъ на то похоже,
Что умъ вашъ просто не доросъ
До правъ священныхъ пониманья...
Нѣтъ, мы не можемъ допустить,
Чтобы *чужое достоянїе*
Могли крестьяне расхитить...
Да, *собственность ненарушима!*
Ее возможно-ль отчуждать?..
Но мы дадимъ, что достижимо;
Вамъ нужно только обождать.
Вотъ, на примѣръ, *переселеніе*
Въ ширь знойный Азіи степей,
Въ Сибирь... не жизнь, а наслажденіе
Тамъ будетъ вскорѣ у людей.
Да, о крестьянахъ мы заботы
Всегда имѣли...

1-ый членъ Думы.

Какъ теперь:
Весьма сомнительной доброты. (*Гитано*)
Я указалъ бы вамъ на двери!

2-ой членъ Думы (отъ крестьянъ).

Я предложилъ бы вамъ капусту
Самимъ сажать на тѣхъ пескахъ,
Не тратя время здѣсь попусту.
Живя столѣтія въ тискахъ,
Всѣ ваши думушки и ласки
Про насъ, крестьянъ, охъ, знаемъ мы!
Сказать могу здѣсь безъ прикраски,
Что рѣдкій прелестей тюрьмы
Изъ насъ не знаетъ... иль свидѣтельствъ
Вамъ нужно названныхъ заботъ
И прочихъ вашихъ благодѣтельствъ?
Такъ полюбуемся, просимъ—вотъ!

Указываетъ въ пространство, описывая
рукой вокругъ себя дугу. Какъ въ волшебной панорамѣ, предъ собраніемъ Думы
внезапно открывается все необозримое
пространство Россіи съ жалкими деревушками. Солома съ крышъ покривившихся хатъ сорвана на кормъ скота.
Испитые и блѣдные отъ вѣчной голодовки и болѣзней крестьяне въ нищенской одеждѣ съ тупой и безнадежной апатіей работаютъ на своихъ ничтожныхъ надѣлахъ.
Масса голодныхъ, въ поискахъ работъ, бродятъ по всему лицу земли. Вездѣ видны безконечныя похоронныя процессіи, преобладаютъ дѣтскіе гробики. По дорогамъ движутся стражники, военные команды, казаки, которые стрѣляютъ и сыпятъ удары во всѣ стороны. Слышны

стоны избитыхъ и искалѣченныхъ, плачъ и причитанья надъ убитыми, крики стыда и отчаянія изнасилованныхъ женщинъ.
Нерѣдко замѣтны разрушенные орудіями дома или черные остовы печей и трубъ, сожженныхъ карательными экспедиціями деревень. Стѣны безчисленныхъ тюремъ открываются, и тамъ, въ душныхъ, смрадныхъ ямахъ съ рѣшетками, видны измученныя фигуры въ крестьянскихъ сермягахъ. На желѣзныхъ дорогахъ и большихъ трактахъ движутся по направленію сибирскихъ тайгъ безчисленныя вереницы ссылаемыхъ.—При видѣ такой картины всѣ члены Государственной Думы вскакиваютъ въ величайшемъ возбужденіи. На ихъ лицахъ написано страданіе, ужасъ и гнѣвъ. Они негодующимъ голосомъ кричатъ министрамъ, указывая рукой на дверь:

Всѣ члены Государственной Думы.

Въ отставку! Вамъ ли здѣсь пристало
Сидѣть, читая намъ урокъ,
И важнымъ тономъ генерала,
Какъ юнкерамъ, бросать упрекъ,
Что мы невѣжды, портимъ дѣло,
И плохо знаемъ нашу роль.
Нѣтъ, мы вамъ скажемъ твердо, смѣло
И лозунгъ нашъ, и нашъ пароль:
Забудьте ваши вождельнїя!
Не мы... *вы* слушать *насъ* должны!
Но, послѣ вашего „*вступленія*“,
Вы намъ ужъ больше не нужны...
Мы исполненіе дѣлъ доверимъ
Тѣмъ, кто не только радъ „*пожить*“,
Но и кому мы твердо вѣримъ,
Что хочетъ онъ странѣ служить.
Уйдите-жъ лучше вы безъ шума,
Запомнивъ крѣпко нашъ урокъ,
Что всѣмъ, кто вамъ подобенъ, Дума
Укажетъ быстро на порогъ!

Министры нѣсколько озадачены такимъ оборотомъ дѣла. Одинъ изъ нихъ даже всходитъ на трибуну и лепечетъ что-то вродѣ оправданія, но большинство скоро оправляется и съ непринужденнымъ видомъ продолжаетъ сидѣть, полагая, очевидно, что правила какъ политической, такъ и общей этики не касаются министровъ. Занавѣсъ опускается

(Продолженіе слѣдуетъ въ недалекомъ прѣзвѣтомъ событіи будущемъ).

Скиоф.

Пѣснь о русской свободѣ.

(по Некрасову).

Много пѣсенъ поютъ въ нашей бѣдной странѣ,
Что сложились недавно въ народѣ;
Но одну никогда не забыть видно мнѣ:
Эту пѣсню о Русской свободѣ.
Эту пѣсню теперь всякій Русскій поетъ,
Много слышно въ ней слезъ и печали,
Онъ свободы давно ужъ обѣщанной ждетъ,
Но дождется ее онъ едва-ли.
Вотъ жестокихъ репрессій пора ужъ пришла:
Каждый день заключаютъ въ темницы,
И мечта о свободѣ въ сердцахъ умерла
Ужъ въ предѣлахъ российской границы.
И конца не видать всѣмъ дѣяніямъ злымъ,
Крови льется бездонное море,
И томится страна подъ насилиемъ лихимъ,
Подъ ярмомъ безысходнаго горя.
Изнываетъ бѣднякъ отъ суровой нужды,
Что терзаетъ его до могилы,
Средь тяжелой борьбы и взаимной вражды,
Онъ теряетъ послѣднія силы...
День-деньской принужденъ онъ работать какъ
воль,

Чтобъ платить не по силамъ налоги,
А богачъ за роскошный садится свой столъ
Въ разукрашенномъ пышно чертогѣ.
Почему же однимъ такъ живется легко,
А кручина другихъ засосала?—
Эхъ, родная страна, какъ еще далеко
Отъ прогресса ты въ жизни отстала!

О. Умова.

На старѣй парѣ.

...Выслѣдить злую крамолу...
Выслѣдимъ, въ корнѣ уберемъ...
Нѣтъ у насъ денегъ на школы,
На пулеметы найдемъ,

Слово обронить забытъ;
Грозныя рати пошлемъ...
Рыцаря нѣтъ для защиты
Рыцарей плети найдемъ

Славно заварятъ всевѣды
Кашу, на маслѣ чужемъ...
Нѣту орла для побѣды,
Вороновъ жадныхъ найдемъ.

Славно мы флотъ защищаемъ,
Крѣпости храбро... сдаемъ...
Смерти геройства не знаемъ,
Плѣна героевъ найдемъ.

Куликъ.

Завѣщаніе бюрократа.

Если съ этого ты свѣта
Не желаешь другъ уйти,

Слушай добраго совѣта,
Въ жизни какъ себя вести.
Не ходи ты къ *анархистамъ*,
Пропадешь тутъ ни за грошъ,
Этимъ всѣмъ *соціалистамъ*
Лишь въ петлѣ конецъ хорошъ.
Не дружись ты съ *эсъ-эромъ*,
Хоть *эсъ-аръ* и молодець,
Но дурнымъ тебя манерамъ
Онъ научить подъ конецъ
Ты не сдѣлайся *эсъ-декомъ*
И въ союзы не вступай,
Дорожишь своимъ коль въ комъ,
Напередъ ты это знай.
Но не будь ты и *кадетомъ*,
Онъ хоть много говоритъ,
Съ Государственнымъ Совѣтомъ
Дѣлать немного натворитъ.
Не вступай ты въ *октябристы*,
Они нынче ужъ смѣшны,
Какъ другіе *монархисты*
Нашей загнанной страны.
Правовой уже *порядокъ*
Никому теперь не милъ,
Всѣмъ онъ сталъ противенъ, гадохъ,
Всѣмъ изрядно насолить.
А *союзъ* кулачный права
Русскихъ истинно людей
Торгашей дурного нрава
Отвратителенъ ей-ей.
Лучше будь аристократомъ
Ты въ чиновничьемъ кругу,
Нашимъ братомъ, бюрократомъ,
Право, другъ мой, я не лгу.
Въ немъ лишь только жить умѣнье,
Коль сановникомъ ты сталъ
Въ даръ получишь и имѣнье,
Наживешь и капиталъ.

Демократка.

Строгость политическаго писателя.

— Я очень строгъ къ себѣ: все, что
напишу, всегда просматриваю нѣсколько
разъ и, если чѣмъ останусь недово-
ленъ—уничтожаю самъ.

— И много приходится уничтожать?

— Приблизительно около трети.

— А остальное?

— Остальное уничтожаютъ цензора,

—

А. С.

Пѣсня для балалайки.

Жили—были два министра:
Звали Петръ ихъ да Сергѣй,—
Но они ужасно быстро

Сковырнулись ей-же ей.
Лишь пробрались въ члены Думы
Всѣ кадеты—молодцы,—
Стали хмуры и угрюмы
Наши милые отцы.
Только что Сергѣй провѣдалъ,
Что пришелъ ему капутъ,
Сна лишился, не обѣдалъ,
Проливая слезы тутъ.
Сталъ кричать онъ: Россіяне,
Не могу служить съ Петромъ!
Не довольны имъ крестьяне,
Да попался онъ съ овсомъ.
Я всегда былъ либераленъ,
Сладкой пѣсней васъ манилъ,—
Онъ стремился быть нахаленъ,
И народъ, шутя, казнилъ.
Буду лучше не у власти,
Но съ нимъ ладить—силы нѣтъ,
Видно я ему не къ масти,
Для двоихъ—здѣсь тѣсенъ свѣтъ.
И ушелъ отъ насъ Сережа,
Либеральный нашъ премьеръ,—
Глядь,—и Петя вскорѣ тоже
Началь брать съ него примѣръ.
— „Отдохнуть, друзья, мнѣ надо;
Утомился я у васъ
Двѣсти тысячъ ужъ въ награду
Мнѣ назначили сейчасъ“.
И собравши чемоданы
Поспѣшили безъ стыда,
Чтобъ отъ Думы скрыть изъяны,
И убраться отъ суда.

Блуждающій огонекъ.

СНЫ.

Бываютъ тяжелые, отвратительные сны... И что всего хуже,—такіе сны могутъ присниться не только какому нибудь ничтожному пролетарію, въ головѣ котораго роятся всякіе ужасы и злокозненные планы... Нѣтъ, Морфей, какъ истый языческій богъ, любитъ иногда пошутить и надъ людьми вполне уважаемыми, не смотря на ихъ званіе, чинъ и положеніе и не считаясь съ тѣмъ, что у человѣка имѣется цѣлое состояніе, благопріобрѣтенное въ теченіе многолѣтняго ревностнаго и полезнаго служенія царю и отечеству. И хотя бы на такое состояніе можно было цѣлые сотни и даже тысячи пролетаріевъ прокормить, обладателя его это обстоятельство ничуть не спасетъ отъ произвола капризнаго бога сна. Напротивъ, онъ именно предпочитаетъ послать такому почтенному человѣку какое нибудь особенное и совершенно неподобающее видѣніе. Можетъ, напримѣръ, Грингмуту присниться, что онъ не русскій дѣйствительный статскій совѣтникъ и редакторъ казенныхъ объявленій съ придачею кликушечно-юродивыхъ писаній, за которыя ему субсидіи, чины и ордена полагаются, а просто-на-просто саксонскій бюргеръ, герръ Карлъ-Амалія Грингмутъ, издающій въ какомъ нибудь саксонскомъ городкѣ тощій „Еженедѣльникъ Христіанской добродѣтели“ безъ всякихъ платныхъ объявленій.... Правда, оно пріятно насаждать сѣмена добродѣтели въ сердцахъ своихъ ближнихъ, но когда за эти сѣмена ближніе платятъ только жалкіе пфенниги достаточные лишь для того, чтобы имѣть къ столу картофель и кровяную колбасу съ придачей пары зеделей Bier'a, то-ахъ, какъ затоскуешь по русскимъ казеннымъ объявленіямъ и такой почувствуешь приливъ истинно-русскаго патріотизма, что сердце можетъ разорваться! Впрочемъ у Карла Амальевича даже и во снѣ останется упованіе, что, при его христіанской добродѣтели и благонамѣренности, Господь не оставитъ его и если не въ Саксоніи, то въ другомъ государствѣ устроить его на тепленькомъ мѣстечкѣ.

Но Морфей можетъ сыграть злую шутку и съ болѣе высокопоставленнымъ лицомъ... Возьмемъ напримѣръ, московскаго воеводу. Вдругъ ему можетъ присниться, что Москва бунтуетъ снова...

Онъ приказываетъ пустить въ ходъ всю артиллерію и ежечь все, кромѣ своего дворца и Кремлевскихъ святынь. Прикажетъ это твердымъ, рѣшительнымъ тономъ, памятуя, что для блага Россіи это необходимо... А самъ взойдетъ на какое нибудь возвышенное мѣсто Кремля, сядетъ на диктаторское кресло съ лирой въ рукахъ и приготовится воспѣть пожаръ мятежной первопрестольной, подобно великому артисту въ порфирѣ, Нерону, воспѣвавшему во время пожара Рима гибель высокой Трои. Или станетъ на Поклонной горѣ въ позу Наполеона и будетъ ждать депутаціи отъ москвичей съ униженной челобитной пощадить ихъ животинки... И вдругъ къ нему станутъ подлетать блѣдные, трепещущіе военачальники и, заикаясь отъ волненія, доложатъ, что Москва не горитъ не смотря на все старанія. Даже остатки Прѣсни и тѣ не поддаются огню, точно они невѣдомымъ огнеупорнымъ составомъ пропитаны. Ядра даже 24-хъ дюймовыхъ орудій окажутся тоже безсильными пробить хоть одну дыру въ домахъ....

— „Но, вѣдь, она горѣла, чертъ возьми!“ загремитъ грозный воевода... „И дома, словно картонныя постройки разрушались!—воскликнетъ онъ, съ горечью сознавая свое безсиліе.... И велитъ своимъ

рабамъ вынуть сабли и заколотся, а самъ поспѣшно, подобно Нерону, попытается задать стрелка за предѣлы досягаемости. Ахъ, видѣть такой сонъ тяжело для столь доблестнаго воителя...

Но бываютъ сны услужливые, спасительные для властителей очень полезные. Приведу такой сонъ, дѣйствительно приснившийся одному генералъ-помпадурѣ. Случилось это вскорѣ послѣ его назначенія на этотъ важный постъ. Почувствовавъ себя вознесеннымъ на чрезвычайную высоту вершителя судебъ

человѣческихъ въ отмежеванной ему части государства русскаго, новоиспеченный генералъ-помпадуръ первымъ долгомъ рѣшилъ уяснить себѣ, какія мѣропріятія наиболѣе соотвѣтствовали бы оказанному ему довѣрію и послужили бы къ его прочному утвержденію на занимаемомъ посту. Но, расхаживая по своему кабинету, онъ съ досадой убѣждался, что его голова, отъ непривычной ей умственной работы, не только не могла родить геніальной мысли, но начала обнаруживать все признаки абсолютной пустоты, и потому внѣшній воздухъ, повидимому, почувствовавъ непреодолимое желаніе проникнуть внутрь свободнаго помѣщенія, давилъ съ большою силой наружныя стѣнки черепа, причиняя ему боль. При такомъ оборотѣ дѣла генералъ-помпадуръ безнадежно махнулъ рукой и совершенно утомленный опустился на мягкій турецкій диванъ, который удивительно располагалъ тѣло къ принятію горизонтальнаго положенія. Такое свойство дивана ничуть не показалось предосудительнымъ его господину, и вскорѣ его грузная фигура, отъ затылка до пятъ, оказалась въ самомъ тѣсномъ и пріятномъ общеніи съ бархатистою поверхностью дивана, а сочный храпъ какъ бы подтверждалъ, что владыка многихъ миллионовъ русскаго обывателя на этотъ разъ отказался отъ всякихъ административныхъ плановъ.

И, вотъ, спитъ помпадуръ и видитъ во снѣ, что стоитъ онъ на высокой башнѣ, откуда ему вся подвластная область, какъ на ладони, видна. Смотритъ онъ и удивляется: вездѣ все идетъ нормальнымъ порядкомъ и ни въ какихъ административныхъ вмѣшательствахъ надобности не видится. Даже обидно ему стало... Правда, мужички въ деревняхъ, земцы и прочіе обыватели области въ разныхъ собраніяхъ обсуждаютъ всякіе общественные и экономическіе дѣла и вопросы, обсуждаютъ горячо, страстно, но онъ не видитъ въ этомъ ничего дурного. Все кажется ему соотвѣтствующимъ потребностямъ жизни и пользѣ общества и страны, а потому законнымъ. Даже тоска стала его одолевать... „А гдѣ же крамола?“—думаетъ онъ и чувствуетъ, что ее необходимо найти, иначе существованіе его самого въ качествѣ генералъ-помпадура потеряетъ всякій смыслъ... Но поиски его тщетны, и бѣд-

ный помпадуръ, впавъ въ меланхолію, сталъ нервно ходить по площадкѣ башни, изрѣдка бросая зоркій взглядъ внизъ, въ надеждѣ изловить крамолу въ какомъ нибудь темномъ закоулкѣ. Прохаживаясь такъ, онъ вдругъ почувствовалъ вблизи себя чье то присутствіе и, обернувшись, увидѣлъ передъ собою странное существо. Было трудно опредѣлить кому принадлежитъ эта, какъ бы безполая фигура, человѣку или животному. Безбородое, какъ будто человѣчье, лицо

было неподвижно и удивительно напоминало старый пергаментъ, на которомъ, казалось, были начертаны безчисленные, принадлежащія разнымъ эпохамъ писмена, успѣвшія, однако, уже выцвѣсть, оставивъ по себѣ лишь еле уловимый грязный слѣдъ. Безжизненные, холодные какъ сталь, глаза глядѣли упрямо и злобно. Все выра-

женіе лица носило печать тупой жестокости звѣриной хитрости и вражды... Одежда этого существа была странна. Верхнюю часть туловища покрывалъ вицъ-мундиръ, видѣвшій, вѣроятно, много вѣковъ и до крайности ветхій, ноги же были закрыты не менѣе древней и ветхой рясой которая, очевидно, не случайно совершенно прятала ноги отъ посторонняго взора. Повидимому строеніе ногъ было неправильно, ибо фигура не шла, а извивалась, какъ пресмыкающееся...

„Кто ты?—не безъ чувства робости и гадливости спросилъ помпадуръ. „Я крамола, ваше-ство,—крамола противъ свободы народа,“—прошипѣло чудовище.

„Я самая старая, самая первая крамола,“—продолжало оно шипѣть, „и—никакая другая со мной не сравнится. „Посмотри“,—сказала она и протянула ему свои руки съ крючковатыми пальцами. Помпадуръ посмотрѣлъ и увидѣлъ, что они густо покрыты сверху свѣжей, внизу давнымъ-давно запекшейся кровью. Крамола тогдадохнула на него, и бѣдный помпадуръ чуть не упалъ отъ невыразимаго зловонія, которое исходило изъ рта чудовища, словно внутри его были тысячи разлагающихся труповъ... „А вотъ и мой документикъ,“—снова прошипѣло чудовище, подавая помпадуру какую то бумагу. Онъ развернулъ и прочиталъ слѣдующее:

Удостовереніе.

Дано сіе удостовѣреніе въ томъ, что предъявительница сего, „Крамола противъ свободы народа“, имѣетъ право повсемѣстнаго жительства въ предѣлахъ Россійской Имперіи и безпрепятственной свободы дѣйствій. Мѣстнымъ властямъ вмѣняется въ обязанность оказывать ей всяческое содѣйствіе и устранять, не стѣняясь средствами, все препятствія, могущія встрѣтиться на ея пути. За ревность и усердіе въ дѣлѣ облегченія трудной миссіи названной особы подлежащія власти будутъ награждаемы по заслугамъ.

Дано сіе удостовѣреніе... Далѣе слѣдовали гіероглифическіе знаки и, наконецъ, чрезвычайно длинный рядъ подписей, въ концѣ котораго помпадуръ только съ трудомъ могъ разобрать рѣсчеркъ Плеве, Витте, Дурново и Горемыкина. Получивъ, обратно документъ чудовище запустило кровавую руку въ карманъ брюкъ и вытащило оттуда огромную пачку другихъ бумагъ и, положивъ передъ помпадуromъ, прошипѣло:

„Ваше-ство изволили недавно утрудить свою головку обсужденіемъ мѣропріятій. Я прислана сюда, чтобы облегчить вашу задачу. Примите только все это къ свѣдѣнію и руководству, остальное будетъ ясно... А теперь я поспѣшу,“—закончило чудовище и, поклонившись, неожиданно отдѣлилось отъ башни и поплыло по направленію другой области, гдѣ также былъ только что назначенъ новый генералъ-помпадуръ. Велѣдъ за чудовищемъ вился, какъ огненный

хвостъ, рой искръ и слышенъ былъ трескъ похожій на пулеметный... И вездѣ, гдѣ она пролетала, загорались деревни, города, гибли люди.

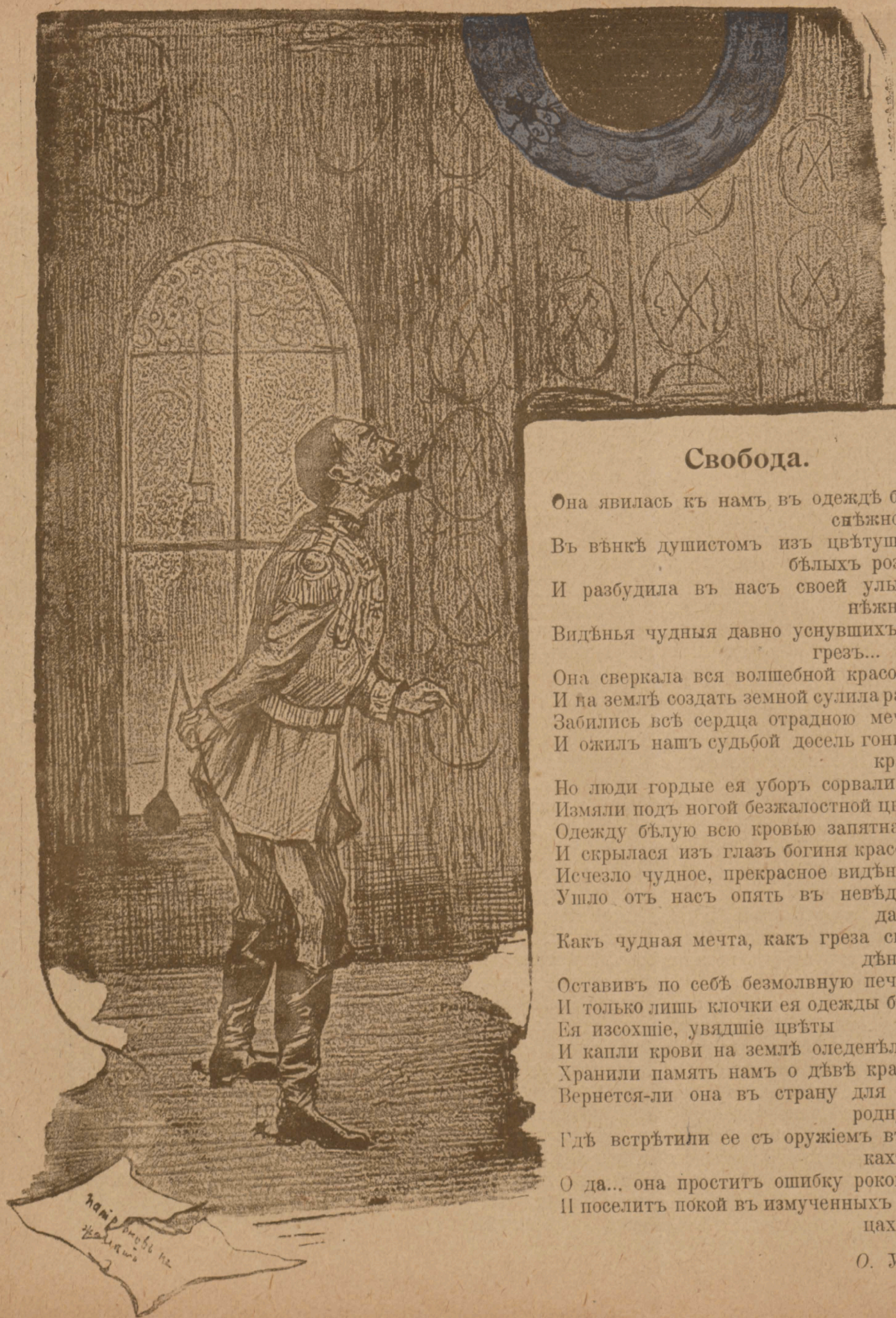
Когда чудовище исчезло изъ глазъ помпадура, онъ сталъ разбирать оставленную ему пачку документовъ и увидѣлъ, здѣсь законы о печати, свободѣ собраний, неприкосновенность личности и жилища, тайныя и явные министерскіе циркуляры и разъясненія. Последней красовалась декларация горемыкинскаго кабинета...

Генералъ-помпадуръ проснулся въ прекрасномъ расположеніи духа. Онъ ласково похлопывалъ и поглаживалъ бархатистую поверхность турецкаго дивана, какъ бы въ благодарность за то, что вѣрный слуга расположилъ его къ столь пріятному сну.

„Нечего головы ломать, — думалъ онъ,—только почаще буду заглядывать въ циркуляры и разъясненія, и все пойдетъ, какъ по маслу... Буду сѣчь, сажать и усмирять, словомъ, насаждать порядокъ и законность. А тамъ, смотришь... тутъ его лицо приняло такое выраженіе, точно онъ видитъ что-то очень пріятное, и не только видитъ, но и ощущаетъ на своей груди... И онъ съ веселымъ возбужденіемъ сталъ собираться на банкетъ, устраиваемый ему мѣстными „патріотами“.

Скифъ.

Тайна.

„Я знаю какъ спасти отчизну“,
Намъ отставной премьеръ твердилъ,
Повсюду слыша укоризну
За рядъ безвременныхъ могилъ.
Всѣхъ волновали чрезвычайно
Его премудрыя слова,—
Но овладѣть великой тайной
Напрасно силилась молва.
Все продолжались безпорядки
Въ предѣлахъ нашей всей земли,
И разгадать его загадки
До сей поры мы не могли.
Собравъ теперь на скоро Думу,
На лѣвыхъ правыхъ натравивъ,
Премьеръ ушелъ отъ насъ безъ шума,
Отъ дѣлъ великихъ опочивъ.
И до сихъ поръ никто не знаетъ,
Таился, въ чемъ его секретъ,
И мнится мнѣ, не разгадаетъ
Его и новый кабинетъ.

Демократка.

Свобода.

Она явилась къ намъ въ одеждѣ бѣло-
снѣжной,
Въ вѣнкѣ душистомъ изъ цвѣтушихъ,
бѣлыхъ розъ,
И разбудила въ насъ своей улыбкой
нѣжной
Видѣнья чудныя давно уснувшихъ
грезъ...

Она сверкала вся волшебной красотой
И на землѣ создать земной сулила рай,—
Забилась въ сердца отрадною мечтою,
И ожилъ нашъ судьбой досель гонимый
край.

Но люди гордые ея уборъ сорвали,
Измяли подъ ногой безжалостной цвѣты,
Одежду бѣлую всю кровью запятнали,
И скрылася изъ глазъ богиня красоты...
Исчезло чудное, прекрасное видѣнье,
Ушло отъ насъ опять въ невѣдомую
даль,

Какъ чудная мечта, какъ греза сновидѣнья,

Оставивъ по себѣ безмолвную печаль...
И только лишь клочки ея одежды бѣлой,
Ея изсохшіе, увядшіе цвѣты
И капли крови на землѣ оледенѣлой
Хранили память намъ о дѣвѣ красоты.
Вернется-ли она въ страну для насъ
родную,

Гдѣ встрѣтили ее съ оружіемъ въ рукахъ?..

О да... она проститъ ошибку роковую
И поселитъ покой въ измученныхъ сердцахъ...

О. Умова.

„Охрана.“

Бѣжить прохожій,
Бѣжить и плачетъ:
— „Великій Боже,
„Охрана“ скачетъ!“
Несется дикій
Зловѣщій гикъ,
Родя великій
И стонъ, и крикъ.
Побои, раны
Плоды „потѣхъ“,
Оравы пьяной
„Побѣдный“ смѣхъ,
Онъ душу гложетъ,
А сердце плачетъ...
Бѣги, кто можетъ,
„Охрана“ скачетъ!

Куликъ.

Не такъ понялъ.

— Для особъ сановныхъ, виллы я читалъ, готовятъ...

— Виллы? Ну тогда понятно что они и удираютъ!

Куликъ.

Современная Побасенка.

Шляпы и штаны.

Повздорили сосѣднихъ два села
Одно прозванье:— „Голоштаны“,
Гдѣ всѣ хоть голодомъ, да пьяны,
Другое — „Желтокрай“, была
Межъ ними ссора безъ потачки:
Всѣ голоштанники кричатъ:

„Ишь супостать!“

Расправимся мы съ „Желтокраемъ“,
Покажемъ кузькину мать!..
Мы шапками ихъ закидаемъ,
Что-бъ насъ не смѣли задирать.
Впередъ окажутся умиѣ.

Но, вотъ,

Случилось все на оборотъ,
И голоштанникамъ наклеили по шеѣ.
Какъ горю пособить теперь?
Рѣшили всѣ, чтобъ избѣжать потерь:
Важна во всякомъ дѣлѣ норма:
У насъ, знать, неудачна форма;

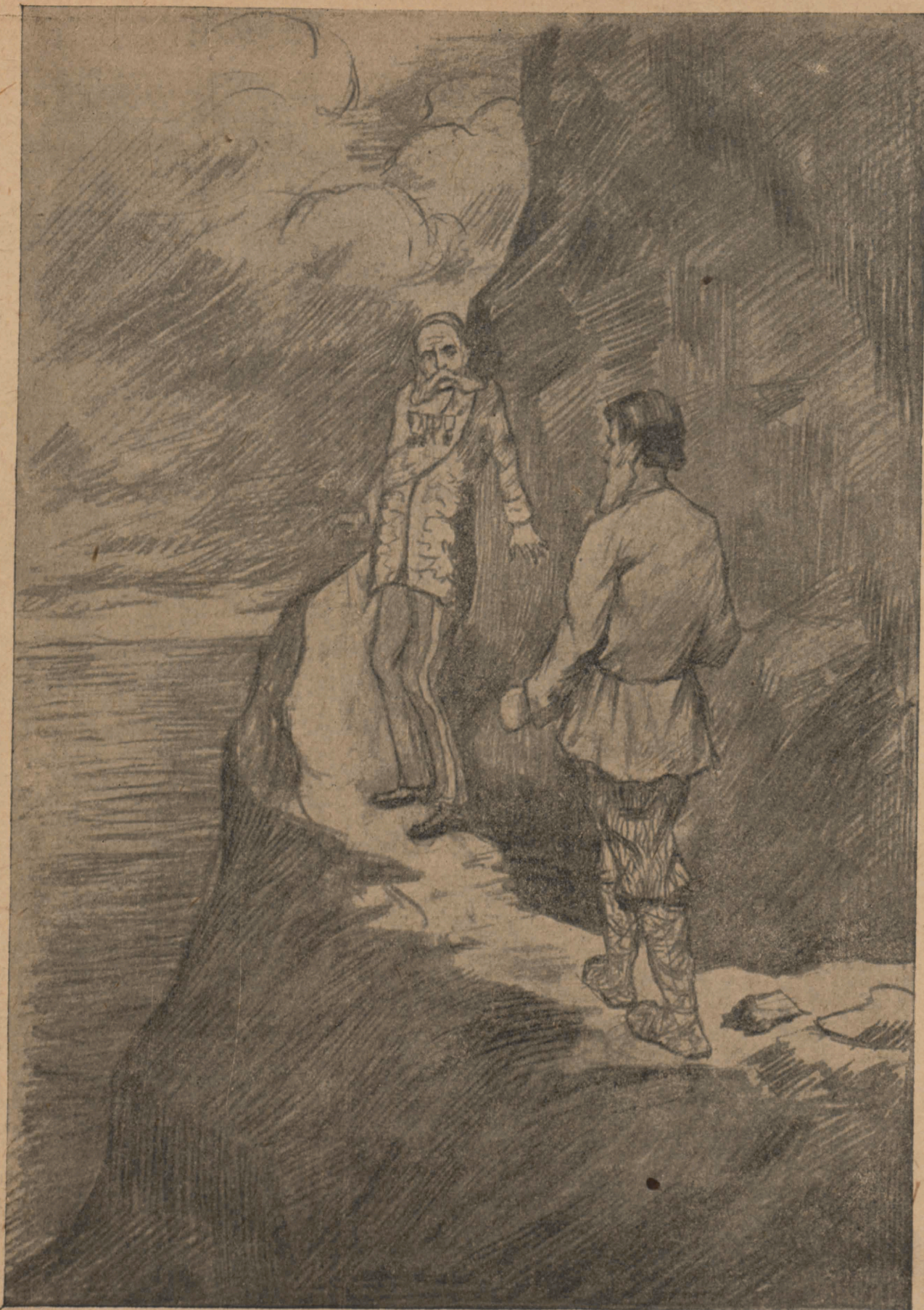
Мы форму измѣнить должны.
Ходили безъ штановъ, теперь
Сошьемъ штаны!“

Что выйдетъ изъ сего—не знаемъ,
Но только глупо и смѣшно
Штанами драться съ Желтокраемъ.
Нравоученье здѣсь одно:
Будь ты не погрѣшимъ, подобно „папѣ“,
Но все-жъ въ иныхъ дѣлахъ
Не заявляй, что „дѣло въ шляпѣ“,
Коль дѣло можетъ быть „въ штанахъ“.

А. Соколовъ.

Смокли дожди, прояснились туманы,
Солнце взглянуло на землю яснѣй,
Въ сонъ погрузились лѣса и поляны,
Вѣтеръ убаюкалъ ихъ пѣсней своей,
Воздухъ повѣялъ сухой и холодный,
Тучи не бродятъ по небу толпой,
Волки къ деревнѣ подходятъ свободно
Кончилась осень, пахнуло зимой.

А. Соколовъ.

Пара дѣльцовъ

(Пара гнѣдыхъ).

Пара дѣльцовъ, побѣжденныхъ судьбою,
Грустно теперь вы ушли на покой,
Силы сломивъ бесполезной борьбою
Съ хлынувшей грозно народной волной.
Были недавно еще вы министры,
Смертью карали дѣтей и отцовъ,
Но закатилась звѣзда ваша быстро,
Пара дѣльцовъ, пара дѣльцовъ.

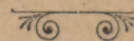
Много вы зла дали нашей отчизнѣ,
Тяжко страдать заставляли людей,
Многихъ лишили безвременно жизни,
Многихъ терзали въ оковахъ цѣпей.
Но, не смутили всѣ ваши гоненья
Души великія смѣлыхъ борцовъ,
Лишь возбудили къ вамъ чувство пре-
зрѣнья,
Пара дѣльцовъ, пара дѣльцовъ.

Всѣ изстрадались подѣ вашею властью,
Ненависть вы возбудили въ сердцахъ,
Вотъ почему вѣсть о вашемъ несчастьи
Музыкой вдругъ прозвучала въ ушахъ.
Грудью вздохнули всѣ наши собратья
И изъ Россіи далекихъ концовъ
Въ слѣдъ раздаются за вами проклятья
Пара дѣльцовъ, пара дѣльцовъ.

Ваши дворцы опустѣли въ столицѣ,
Мѣломъ замазаны стекла оконъ,
Вы же умчались отъ насъ за границу,
Къ нашему счастью, изъ родины вонъ.
Кто же почтитъ вашъ отѣздъ хоть
слезою?—

Здѣсь не найдется подобныхъ глупцовъ:
Вы ненавидимы цѣлой страной,
Пара дѣльцовъ, пара дѣльцовъ!

Демократка.

Къ ихъ уходу.

Они уходятъ!
Восплачемъ братцы!
Съ слезой горючей
Заглянемъ въ святцы,
Постомъ да будетъ
Ихъ день ухода,
Постомъ сугубымъ
Всего народа.

Они уходятъ!
О, горе, горе!..
Я вижу слезы
Какое море!
Рыдаютъ справа,
Рыдаютъ слѣва,
Вражды не слышно
Не видно гнѣва...

Они уходятъ!
О, братья, братья!
Клонитесь долу
Всѣ безъиззятыя.
Молите небо
Чтобъ не споткнулись,
Ушли счастливо,
И... не вернулись!

Куликъ.

Увы и ахъ.

Было время, и недавно
Были русскіе въ чести,
Всѣ съ отчизной нашей славной
Дружбу рады бы вести.
Наше войско возбуждало
Средь сосѣдей смутный страхъ
И ихъ въ трепетъ держало,
А теперь—увы и ахъ!

Нынѣ-жъ въ скорбныя минуты
Оно занято другимъ,
И въ пылу народной смуты
Страшно лишь сынамъ своимъ.
Упражнялись пулеметы
Прежде только на врагахъ,
Съ жизнью ихъ своди расчеты,
А теперь—увы и ахъ!

Въ нашемъ портѣ величаво
Красовался мощный флотъ,
Прогремѣвшій бранной славой,
Составляя нашъ оплотъ.
Флагъ побѣдный развѣвался
На Россійскихъ всѣхъ моряхъ,
Предъ нимъ всякій преклонялся,
А теперь—увы и ахъ!

Плодородьемъ процвѣтали
Всѣ края родной страны,
Люди русскіе мечтали,
Грезъ несбыточныхъ полны.
Много хлѣба собиралось
На амбарахъ и гумнахъ,
Населенье не нуждалось,—
А теперь—увы и ахъ!

Демократка.

Истинно-Русскіе люди.

ПРЕЖДЕ.

Изъ современныхъ мотивовъ.

I.

Представителямъ народа.

Судно въ морѣ. У кормила—
Представители народа.
Скоро выглянетъ свѣтило
Въ золотой странѣ восхода,

* *

Скоро жгучими лучами
Заиграетъ въ небосводѣ,
Разольется надъ волнами
Яркой вѣстью о свободѣ.

* *

*

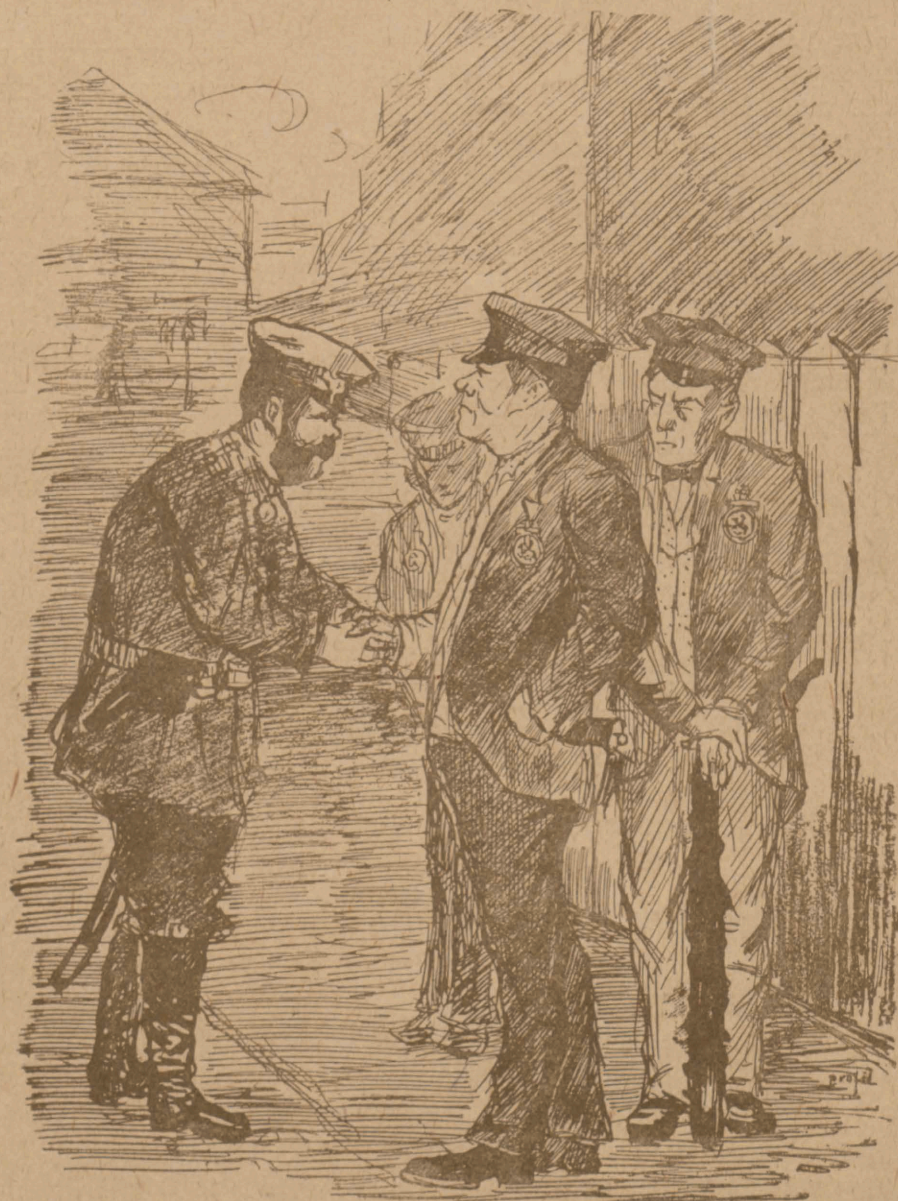
Море пѣнится и злится,
И трещать отъ вѣтра снасти,
Словно демонъ самъ грозитъ—
Судно вмигъ сломать на части.

* *

Эти призраки ночныя—
Не страшны для тѣхъ, кто вѣритъ:
Руки были-бы стальныя!
Острый взоръ и мглу измѣрить!

* *

Съ частымъ сердцемъ да съ любовью
Въ смѣлый путь къ странѣ восхода!
Крещены вы братской кровью
Представитель народа...

ТЕПЕРЬ.

II.

Она идетъ...

Она идетъ, она идетъ!..
Я приближеніе это чую.
Ее съ надеждой сердце ждетъ.
Она идетъ,—она идетъ
И озаряетъ ночь нѣмую.

* *

Не вѣчно цѣня и тюрьма..
Она смятетъ ихъ прочь съ дороги.
Разбѣется глухая тьма.
Не вѣчно цѣня и тюрьма..
Уже свобода на порогѣ...

Вукъ.

Современники

(изъ альбома).

I.

Князь В. Мещерскій.

Редакторъ „Гражданина“ —
Извѣстный человѣкъ.

„Кнутъ, розги, хворостина!
Все прочее — рутина“, —
Твердитъ онъ цѣлый вѣкъ

* * *

Князь думаетъ: „съ годами
Придетъ и мой чередъ...
Не поступлюсь мечтами!
Я выстрою рядами
Всѣхъ тыломъ напередъ“.

* * *

Въ блаженномъ ослѣпленнѣ
Строчить онъ планъ реформъ
И вдругъ глядитъ въ смущеннѣ:
Проснулась Русь! въ волненнѣ...
Идетъ какой-то штормъ.

* * *

„Что?... Выборъ?... Собранье?...
Да кто ихъ разберетъ!
А кнутъ? А наказанье?
Я, потерялъ сознанье...
Не разберу, кто вретъ...“

* * *

II.

А. С. Суворинъ.

Туда, сюда, какъ фигаро,
Спѣшитъ старикъ Суворинъ...
Всегда устроится хитро,
Не по годамъ проворенъ!

* * *

Сегодня Зета онъ бранить...
Ну, скажемъ хоть, за шпалы;
Но завтра кротокъ съ нимъ, дружокъ
(Зетъ вышелъ въ генералы!).

* * *

Въ бюрократическихъ бѣгахъ —
Живой тотализаторъ.
Къ нему питаютъ даже страхъ
Любой администраторъ.

* * *

Онъ можетъ сладко подпѣвать
Бумажными рѣчами
И въ трудный мигъ отчизну — мать
Готовъ облить слезами.

* * *

Какъ опереточный Калхасъ,
Народъ пугаетъ громомъ
И богатѣетъ каждый часъ
Съ нововременскимъ домомъ.

* * *

На Станиславскаго — грозой
(Въ Москву наслать-бы фурій),
И за него всегда горой
Стоитъ Бѣляевъ Юрій.

* * *

Онъ, какъ Харонтъ, изимаетъ дань
Со всѣхъ умершихъ братій
И простираетъ смѣло длань
За Масловою Катей.

* * *

Свиданья, браки, адюльтеръ
Устраивать умѣетъ
(За объявленья свыше мѣръ
Онъ гонораръ имѣетъ).

* * *

Брать не стыдится и съ прислугъ
За промисель отхожій,
И у него для всѣхъ услугъ —
Жасминовъ толстокожій.

* * *

Боялся всякой новизны
Газетный нашъ Конфуцій,
Но съ теплымъ вѣяньемъ весны
Сталъ другомъ конституцій.

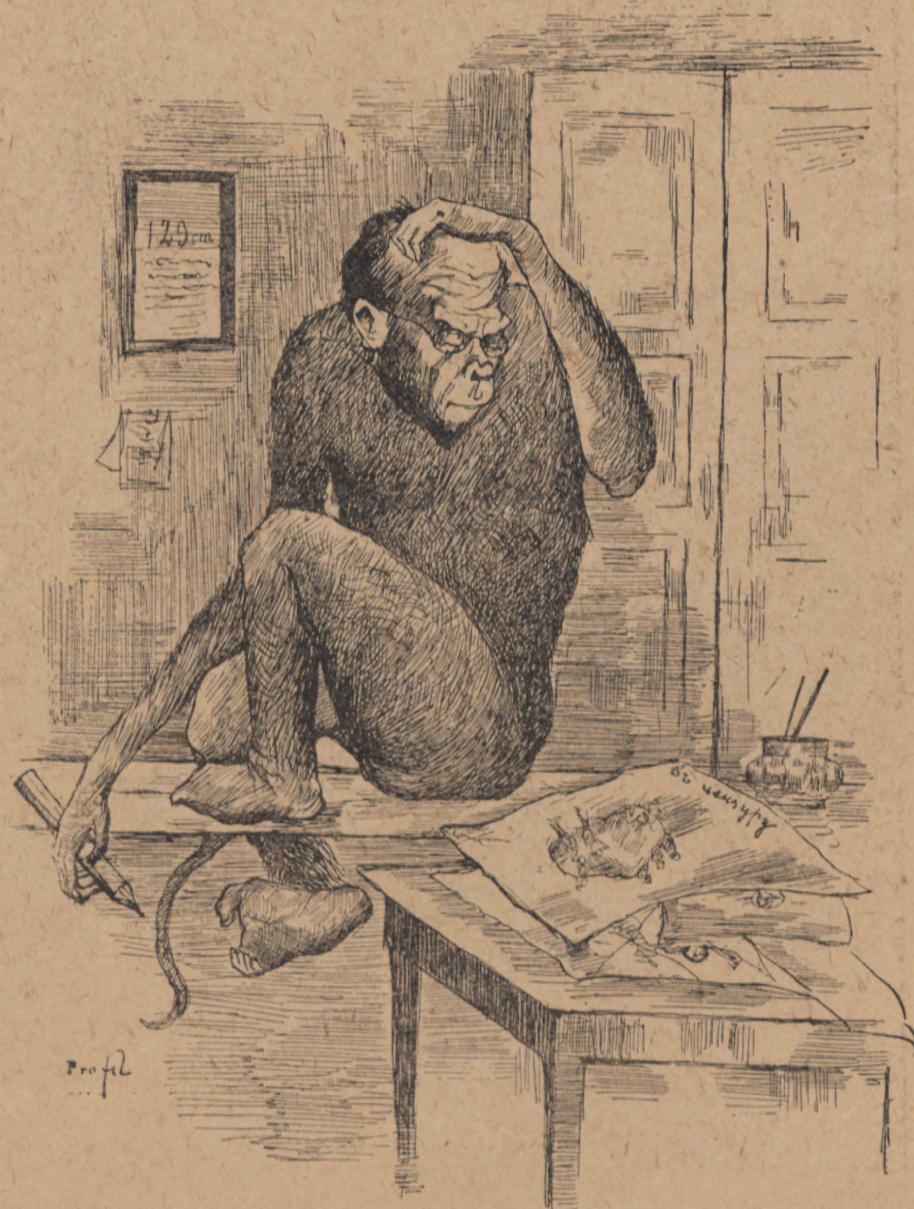
* * *

Какъ на вѣсахъ, туда-сюда
Качается и гнется,
Его сѣдая борода
Безъ усталости трясется...

* * *

Гдѣ дунетъ вѣтеръ, — тамъ и онъ
Съ своей журнальной свитой...
Въ флягарку словно превращенъ
Суворинъ знаменитый.

Вукъ.

Слеза надъ гробомъ Русскаго Государства.

(Элегія).

Прости, дитя мое родное,
Лью надъ тобой потоки слезъ:
Судьбы безжалостной рукою
Ты сражено въ расцвѣтѣ грезъ.
Я былъ всеильнымъ и великимъ,
И мнилъ тебѣ величье дать,
Но въ битвѣ злой съ народомъ дикимъ
Увы, не могъ я устоять.
Я палъ, и ты, мое созданье,
За мной низвержено во прахъ,
И злые люди состраданья
Къ тебѣ не чувствуютъ въ сердцахъ...
Но замолчить быть-можетъ злоба
Насъ ненавидѣвшихъ людей
Теперь надъ скорбной крышкой гроба
И надъ могилою твоей!
Прими-жъ надгробныя рыданья
И спи блаженнымъ, мирнымъ сномъ
До утра свѣтлаго свиданья,
До лучшихъ дней въ краю родномъ.

О. Умова.

Отъ редакціи.

Рукописи по усмотрѣнію редакціи подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи должны быть написаны вполне четко и на одной сторонѣ листа. Непринятые статьи **не возвращаются** и редакція въ переписку и переговоры о нихъ **не входитъ**.

Контора журнала „Водоворотъ“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 час. утра до 6 час. вечера.

Редакторъ принимаетъ по Понедѣльникамъ и Пятницамъ отъ 6 ч. до 7 час. вечера.

Вся безъ исключенія корреспонденція должна направляться исключительно по адресу **Спб. Пушкинская. 19.**

Редакторъ-Издатель

Сергій Николаевичъ Мендельсонъ.